

**ИВАН
НОСОВ**

*Я родился с дьяволом в душе.
Я не мог не убивать, как не может
молчать поэт, охваченный
вдохновением...*

ИСПОВЕДЬ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ!

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Иван Носов

Исповедь серийного убийцы

«Автор»

2017

Носов И.

Исповедь серийного убийцы / И. Носов — «Автор»,
2017 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная
буква»)

ISBN 978-5-44-838224-6

Для выполнения очередного задания Леонид Крамер вынужден вылететь в Турцию. У известного российского бизнесмена там погибла дочь. Действия местной полиции не устраивают отца, и он хочет, чтобы частный детектив Крамер собрал всю необходимую информацию об этом деле. Поиск убийцы в его обязанности не входит. Работая над делом, Леонид узнает, что Анна занималась журналистским расследованием и нашла нечто, что могло стать причиной ее гибели. Вместе с тем выясняется, что в иммигрантской среде орудует серийный маньяк. В качестве жертв он выбирает выходцев из бывшего СССР. Больше его жертвы ничем не связаны. На первый взгляд. Крамер еще не знает, что ему придется вступить с маньяком в игру, из которой никто не может выйти победителем. Какие тайны хранит серийный убийца? И удастся ли детективу вывести преступника на чистую воду? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-838224-6

© Носов И., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Отказ от ответственности	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Иван Носов

Исповедь серийного убийцы

Посвящается Анастасии.

Из-за тебя звезды на небе сияют ярче.

Если хочешь, чтобы люди тебя услышали, не достаточно просто хлопнуть их по плечу. Теперь их нужно бить кувалдой, – и тогда они обратят на тебя внимание.

Джон Доу, к/ф «Семь»

Я родился с дьяволом в душе. Я не мог не убивать, как не может молчать поэт, охваченный вдохновением... Великий Враг явился к ложу моей матери при родах, чтобы стать моим покровителем, и с тех пор остался моим спутником навсегда.

Генри Говард Холмс, серийный убийца

Вы спрашиваете, зачем я убивал? Ну как вам объяснить... Для меня жизнь без убийств – как для вас жизнь без еды. Потребность, понимаете? Я чувствовал себя отцом этих людей, ведь я открывал им дверь в другой мир. Я отпускал их в новую жизнь...

Александр Пичушкин, серийный убийца

Отказ от ответственности

Все изложенные в произведении события являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными местами, людьми, организациями – совершенно случайно.

Глава 1

Еще накануне вечером он не мог и подумать, что будет встречать пасмурное московское утро в салоне «Боинга-747», направляющегося в Турцию. Ничего не предвещало заграничной командировки. Ирина, студентка-заочница, подрабатывавшая у него секретарём, ушла в пять, а Леонид Крамер, как всегда, допоздна задержался в офисе, собираясь оформить счета по двум последним делам.

Первое касалось неверного мужа, измена которого в самых откровенных подробностях подтвердилась минувшим утром с помощью фотоаппарата Nikon и мощного телеобъектива.

Каким же нужно быть идиотом, чтобы вот так попасться?! Первое правило неверного женатика гласит: отправляясь к любовнице, убедись, что все окна в квартире зашторены, и уж тем более не выходи на балкон покурить!

Крамер вложил распечатанные экземпляры самых смачных фото в конверт, закинул туда же флешку с оставшимися снимками, краткое досье на любовницу и счет-фактуру для банковского перевода. «Блудные дела» были в его практике самыми простыми.

Второе расследование, за которое Крамеру предстояло взять плату, относилось к числу безрезультатных. Подозрения заказчика, исполнительного директора известной торговой сети, не оправдались: новоиспеченный начальник отдела маркетинга, которого заказчик подозревал в связях с конкурентами, оказался самым обычным малым: ни в чем не замешанным, ни к чему не причастным.

Покончив с работой, Леонид откинулся в кресле и закурил. За окном наступила ночь. Огни никогда не спящего города струились в кабинет сквозь неплотно закрытые жалюзи. Из приоткрытой форточки доносился шум проезжавших по дороге автомобилей.

«Вот и пора домой...» – с грустью подумал Крамер. Эту часть суток он не любил сильнее всего. После развода прошло уже достаточно времени, но он так и не свыкся с мыслью, что дома его больше никто не ждет. Да и свыкнется ли?

Его размышления прервало жужжание сотового на столе. Номер был скрыт.

– Детективное агентство «Крамер и партнеры». Слушаю.

– Здравствуй, Леонид. Вас беспокоят из офиса ЗАО «Каскад Энергия». Мы хотели бы привлечь вас к одному весьма щепетильному делу...

Собеседник замолчал, а в мозгу Крамера заиграли ассоциации...

«Каскад Энергия».

В городе существовала только одна компания с таким названием. Проектно-строительная организация, входящая в холдинг «United Group», владельцем которой являлся Валерий Владимирович Коновалов.

Тот самый Коновалов?

Наконец, Крамер сглотнул и спросил:

– Что именно от меня требуется?

– Думаю, вы понимаете: это не телефонный разговор, – ответили с другого конца линии. – Машина ждет вас у парадной. Вас отвезут в офис, где мы сможем обсудить все детали. Надеюсь, вы не против?

Леонид задумался.

Справедливо выражение: если у тебя есть бизнес, но ты не слышал про Коновалова, значит, у тебя нет бизнеса. По крайней мере в Москве.

Сейчас, в эпоху интернета, Коновалова без труда можно было найти на старых фотографиях девяностых. Вот он среди прочих стоит в окружении новоиспеченного мэра Тужкова: мешковатый костюм, очки в широкой оправе, в руках черных портфель.

Значительную часть состояния, Коновалов заработал на строительных и ремонтных подрядах на пике реализации программы «Новый облик столицы». Этому очень способствовала его близость к аппарату главы города. Впрочем, даже после того, как федеральные власти отправили Тужкова в отставку (с расплывчатой формулировкой «в связи с утратой доверия»), а прокуратура тут же возбудила против него несколько уголовных дел, Коновалов остался на своем месте. Слишком прочными оказались его позиции. Конечно, правила игры поменялись, и на московском строительном рынке появились новые игроки (близкие товарищи *нового мэра*), однако Коновалов спокойно развивал бизнес *и после* бегства Тужкова в Лондон. Сейчас это был человек с большими связями и колоссальным влиянием. Бизнесмен из девяностых находился на пике карьеры.

Про Коновалова говорили всякое: и что он в свое время представлял легальную часть бизнеса «братков», и что вошел в «ближний круг» благодаря связям с КГБ. Да вот только «братки» давно отдыхали на кладбище, КГБ покоилось где-то по соседству, а он, все с тем же черным портфелем, красовался на обложке журнала «Деловая Москва».

– Нет, не против. Дайте мне пять минут.

Заинтригованный этим неожиданным происшествием, Крамер захлопнул крышку ноутбука и, заперев офис, спустился вниз.

У входа в здание его уже ждал черный «Мерседес».

Водитель, затянутый в серый плащ, стоял рядом и курил. Увидев Крамера, он выбросил окурок на дорогу, и жестом пригласил детектива садиться. Никаких лишних слов. Лишь четкое выполнение распоряжений руководства.

Дорога не заняла много времени. Час пик уже миновал и улицы Москвы опустели.

Через полчаса они остановились около офисного здания в центре города. Сталь и стекло – облик городов двадцать первого века.

– Вас ждут наверху, – сказал водитель и указал в сторону входа.

* * *

– Ты знаешь, что смертников в США зачастую казнят именно в полночь? – внезапно заговорил мужчина. – Мне кажется, дело в значении двадцати четырех часов. И в самой экзекуции. Смертная казнь – это нечто священное, мистическое; нечто не подлежащее пересмотру. Нельзя взять и казнить человека в семнадцать сорок восемь. Если Бог, суд и губернатор штата избрали какой-либо день последним в жизни преступника, то он должен прожить его полностью, и умереть лишь с наступлением первых минут нового дня. Мне тоже это кажется справедливым.

Мужчина сидел в кресле и, казалось, разговаривал сам с собой. Он говорил по-турецки, но в его голосе чувствовался едва заметный акцент, какой обычно бывает у этнических турок, выросших за границей. Парень (его звали Бурак) вжался в угол и никак не реагировал на слова мужчины.

Комната выглядела, как *standard room*¹ какого-нибудь отеля: прихожая, со встроенным в стену шкафом, дверь в ванную комнату, двуспальная кровать с картиной над изголовьем, две прикроватные тумбы, телевизор на столике, зеркало и небольшой диван. Единственной нестандартной деталью обстановки было отсутствие окон.

Помещение находилось на первом этаже одиноко стоящей виллы, в пригороде шумного туристического городка, тянувшегося вдоль побережья Средиземного моря. Парню понрави-

¹ Самая распространённая категория номеров; базовый номер без вида на море, с двумя односпальными или одной двухспальной кроватью (*здесь и далее примечания автора*)

лось тут с первой минуты. Вилла поражала размерами, а с террасы открывался шикарный вид: банановые плантации начинались у подножья горы и тянулись до автотрассы у самого моря.

Они приехали на место около восьми вечера. Как раз вовремя, чтобы успеть насладиться оставшимися минутами заката, когда солнце, вспыхнув в последний раз, по-осеннему быстро скрылось за линией горизонта, окрасив бесконечную гладь моря в яркие и чувственные тона. Бурак восторженно смотрел на закат и думал о продолжении вечера... «Интересно, он предложит мне выпить или сразу потащит в спальню?»

Бурак не привык заниматься этим в домах. Он вообще редко выбирался за пределы своего района. Как и девочки его профессии, он предпочитал делать все быстро, на заднем сидении автомобиля клиента. Тем более что большинство из них даже не просили его снимать брюки; им было достаточно его рта.

Оказавшись на улице год назад, Бурак понял: проституция – единственный вариант, чтобы не только выжить, но и жить, как ему хочется. Конечно: не самый достойный способ заработать на пропитание... Но всяко лучше, чем горбатиться разнорабочим на стройке или отправиться в армию.

Бурак обернулся. Мужчина скрылся в здании и крутился около барной стойки в дальней части гостиной. В груди что-то предательски сжалось. Мальчишка не знал, как себя вести. Это больше напоминало свидание, чем... «Пойти за ним? Или ждать здесь? О чем говорить? И нужно ли вообще что-либо говорить?»

Бурак снова коснулся кармана джинсов, проверяя на месте ли деньги. Хотя куда они могут деться? Несколько купюр, полученные им в качестве аванса, действовали успокаивающе. Двести лир!² Столько ему еще никогда не платили!

Наверное, именно из-за недостатка финансов, Бурак согласился уехать так далеко. Они потратили два часа, чтобы добраться из Лары³ до этого места. Деньги оказались слишком большим искушением.

Мужчина вышел на балкон, взял мальчишку за руку и потянул внутрь. На столике уже стояло два бокала с алкоголем...

Бурак знал: если что-то пойдет не так, он быстро сиганет с террасы и, скрывшись в зарослях бананов, добежит до шоссе. Переночует на пляже и первым автобусом доберется до автостанции. А там... пара часов, и он дома.

Черт! Как же он ошибался!

Сначала Бурак согласился спуститься в подвал, затем сполна отработал каждую лиру, а потом... Когда мужчина откинулся в кресле и закурил, он совершенно беспристрастным тоном сказал (как будто сообщал о чем-то обыденном, вроде: «завтра будет дождь» или «у нас молоко закончилось»), что жить парню осталось совсем недолго.

* * *

У выхода из лифта на шестом этаже здания бизнес-центра Крамера встретил молодой человек лет двадцати пяти в строгом костюме-тройке. В руках он сжимал iPad Mini серого цвета, с характерным изображением надкусанного яблока на корпусе.

– Здравствуйте, Леонид. Меня зовут Антон. Я ассистент господина Коновалова, – представился он, и проводил Крамера в помещение для совещаний. – Спасибо, что нашли время.

– Без проблем.

Когда они уселись друг напротив друга, Антон продолжил:

² Турецкая лира (тур. türk lirası) – национальная валюта Турции.

³ Лара – район города Анталия.

– Начнем с формальности, – он положил на стол лист бумаги. – Договор о неразглашении. Все сказанное и услышанное в этом здании должно тут и остаться.

– Безусловно, – Крамер мельком проглядел документ и поставил подпись. – Теперь я могу узнать в чем заключается ваше «деликатное дело»?

В этот момент дверь в конференц-зал отворилась и Крамер увидел Коновалова собственной персоной. Он не был похож ни на очкарика с фотографии из девяностых, ни на лучезарного бизнесмена, отстроившего половину Москвы. Сейчас он выглядел как одинокий старик, потерявший опору в жизни. Он двигался медленно, словно плыл в невесомости.

– Моя дочь мертва, господин Крамер, – начал он. – В этом причина, почему нам требуются ваши услуги.

– Эм-м... – в первую секунду Крамер не нашел что сказать.

– Не надо. Ваши соболезнования мне не нужны. Перед нами стоит свершившийся факт – смерть моей дочери. И единственное, чего я хочу: прояснить некоторые детали.

– Как она умерла?

– Ее убили.

– Подробности?

– Вся информацию вы найдете здесь, – Коновалов указал на папку в центре стола. – Скажу одно: приятного там мало.

– Виновный уже пойман?

– Нет.

– Надеюсь, вы не хотите, чтобы это сделал я?

– Ни в коем случае. Ваша задача: на месте собрать данные и предоставить нам заключение. Ни больше, ни меньше.

– Так сказать, провести независимое расследование, – уточнил Антон. – Убийство произошло в Турции, а турецкие власти не вполне расторопны. Откровенно говоря, мы не уверены, что они вообще станут заниматься этим делом должным образом. Поэтому нами принято решение пригласить вас. Мы внимательно изучили ваше досье, Леонид. А также получили пару вполне достойных рекомендаций. К тому же вы знаете турецкий язык... Понимаете, нам требуется специалист особого уровня. При этом он должен быть человеком...

– Не вашего круга?

– Можно сказать и так. Исходя из деликатности сложившейся ситуации, мы не хотим привлекать к расследованию людей, услугами которых пользуемся в повседневной жизни. Во избежание утечки информации.

Это было вполне разумно.

– И все же, почему именно я? – не унимался Крамер.

Коновалов ответил сразу:

– Мне понравилась ваша биография. Есть в ней что-то такое... располагающее, – и посмотрел на Антона, который, ткнув пальцем по экрану айпада, открыл какой-то текстовый документ.

– Вы получили образование в области психиатрии и психологии, – зачитал Антон. – Имеете опыт госслужбы, участвовали во Второй Чеченской войне. Это похвально... Конечно, мы знаем и о менее лицеприятных моментах, – он провел по экрану пальцем и замолчал, демонстративно перечитывая дальнейшее содержимое файла. – Однако, надеемся, что все ваши проблемы остались в прошлом.

Крамер понял, на что он намекает:

– К счастью, это так. Прошлое теперь в прошлом, – Леонид повернулся к Коновалову и снова перешел к делу: – Ваша дочь. Когда это произошло?

– Тело обнаружили три дня назад.

– Странно, что СМИ до сих пор не узнали.

– Мы сделаем все, чтобы они оставались в неведение как можно дольше. Но это не будет продолжаться вечно.

– Еще раз конкретизируйте мою задачу, – Крамер достал из кармана пачку сигарет и вопросительно посмотрел на Коновалова.

Тот безразлично махнул рукой:

– Улики. Факты. Фотографии. Аналитический отчет в качестве резюме.

В комнате повисло молчание. Крамер закурил и огляделся в поисках пепельницы.

– Есть ли что-то еще, что мне следует знать?

Коновалов задумался.

– Наши отношения нельзя назвать близкими, – наконец произнес он. – Вы знаете, как это бывает... Но я всегда старался приглядывать за ней. Даже в Турции. Тем не менее ее убийство стало настоящим ударом... И я хочу понять, был ли этот удар спланирован кем-то заранее, или же это лишь трагическое стечение обстоятельств.

Крамер кивнул:

– У вас есть основания делать такие предположения? Вам поступали угрозы?

– Человеку моего положения, прямо или косвенно, постоянно кто-нибудь угрожает. Нельзя всего добиться и не нажить врагов.

– Понимаю. И все-таки *в последнее время* не произошло ничего экстраординарного?

– Не думаю.

– Хорошо.

Сигарета истлела наполовину. Крамер еще раз посмотрел по сторонам и убедившись, что в помещении точно нет пепельницы, встал из-за стола и подошел к окну; щелкнув указательным пальцем по фильтру, он стряхнул пепел в горшок какого-то декоративного растения на подоконнике.

– В таком случае мы можем на вас рассчитывать? – не сводя с него глаз, спросил Антон.

– Мы еще не обсудили мой гонорар.

Коновалов ухмыльнулся:

– Деньги в этом вопросе имеют второстепенное значение. Как я уже сказал, мы навели о вас справки, и нас вполне устроят ваши стандартные расценки.

– Это не стандартное задание.

Коновалов повернулся к Антону. Тот быстро написал что-то на листе бумаги и показал его Крамеру.

Леонид несколько секунд молча смотрел на листок. Число выглядело внушительно. А закорючка, обозначающая валюту, превращала ее в целое состояние. На самом деле, эта сумма значительно превышала обычные гонорары Крамера. *И они это знали.*

– Надеемся, этого достаточно, чтобы впредь мы не возвращались к вопросу оплаты, и вы могли со спокойной совестью заняться делом?

Леонид в последний раз затянулся и затушил окурок о цветочный горшок:

– Я вылетаю утренним рейсом.

– Договорились, – Коновалов поднялся из-за стола. – Мы будем ждать от вас новостей.

И вышел из кабинета.

* * *

На прикроватной тумбе стояла потертая лампа с цветным абажуром – единственный источник света в помещении. Скомканное одеяло валялось рядом с кроватью. Простынь была мокрой от пота. В комнате пахло сексом.

Они уже прошли все этапы, естественные для такой ситуации: попытки вырваться, страстные мольбы пощадить и даже отрицание происходящего. Но мужчина остался непреклонен – Бурак умрет. *Ровно в двенадцать часов.*

На секунду в глазах парня мелькнул огонек безумия и, потеряв всякую надежду на спасение, он забился в угол в противоположном конце комнаты. Бурак сидел на полу, прижав колени к подбородку.

Мужчина находился неподалеку.

– Почти... – не отрывая взгляд от часов, шепотом произнес он.

Бурак вздрогнул.

«Неужели так быстро?»

Он проследил за взглядом мужчины. Без пяти минут полночь... *Тик* И секундная стрелка часов описала еще один круг.

– Так мимо нас пролетает время. Так мы теряем жизнь, – сказал мужчина.

Бурак ничего не ответил. Чем ближе минутная стрелка приближалась к двенадцати, тем ошутимее он начинал нервничать. Он сидел и кусал колени, боясь представить, что случится через каких-то пару минут.

И вот часы медленно начали пробивать полночь. Сердце парня сжалось от страха. Его затрясло, а на обнаженном теле, покрытом мурашками, выступил пот. Лицо парня исказилось в гримасе неприкрытого страха и ужаса.

– Время пришло, – сказал убийца, и неторопливо поднялся из кресла.

– Нет... Не надо... – сначала шепотом, а затем громче и громче взмолил Бурак.

Последний удар часов.

Взмах руки.

Тусклый свет лампы отразился на лезвии кинжала, и кровь, струя за струей, ударила в стены комнаты.

Через несколько минут парень был уже мертв...

* * *

Ночное небо казалось каким-то странным: слишком черным, гнетущим и зовущим одновременно. На нем практически отсутствовали звезды. Мужчина понял это только сейчас, когда вышел на балкон виллы и посмотрел наверх. Его руки оставались влажными и кровь медленно стекала с пальцев, падая на пол густыми красными каплями.

Изменилось все.

Нет, не мир вокруг, а он сам – *его душа* – преобразились.

Он словно увидел мир чужими глазами; как его видит хищник, воитель, пророк... И в тот самый момент, когда подгоняемое ветром облако, вновь открыло взору мистическое сияние полной луны, он осознал: больше нет ни бога, ни дьявола, нет ни зла, ни добра, но он сам есть Господь Бог. И нет ничего важного... только безмятежность и спокойствие, как у приговоренного к смерти за минуту до казни.

* * *

Крамеру потребовалось всего пара часов, чтобы собраться.

Его отвезли домой, где он быстро скинул в сумку необходимые вещи. Потом отправил Ирине и-мейл с сообщением, что будет отсутствовать в офисе пару недель. И бывшей жене, – что не сможет забрать дочку на выходные. И вот, в 6:20 утра, он уже сидел в салоне эконом-класса Боинга-747 авиакомпании «Turkish Airlines», вылетающим рейсом «Москва – Анталия».

Пассажиры медленно проходили в салон. Стюардессы приветливо улыбались им и помогали уложить вещи на полки. В зеленых пакетах из *duty free* позвякивали бутылки. Кто-то летел на отдых, кто-то возвращался домой. Крамер ехал работать.

Отключившись от окружающих, он открыл папку и выложил страницы на откидной столик.

Первое, что бросилось в глаза – фотография.

Анна Коновалова. Двадцать семь лет. Молодая красивая девушка, блондинка с голубыми глазами. Не модельной внешности, но около того. У нее был отцовский нос, но основная красота явно досталась от матери.

Крамер отложил фотографию в сторону и взял листок с краткой биографической справкой.

Как и подобает дочери Валерия Коновалова, Анну с раннего детства окружили заботой, соответствующей ее социальному статусу: частный детский сад, элитная школа, лучшие репетиторы для подготовки в ВУЗ (в справке об этом не говорилось, но Крамер не сомневался, что так оно и было), и все в том же духе.

С шестнадцати лет завсегдатая светских тусовок.

Позже – выпускница факультета журналистики МГУ.

Три года проработала в модном журнале, писала о знаменитостях и, связанных с ними, скандалах. Полтора года назад внезапно уволилась и уехала в Турцию.

Что толкнуло ее на этот шаг – неизвестно. Турция никогда не являлась классическим местом отдыха золотой молодежи. Те предпочитали Майами и Монте-Карло, но никак не маленький городок на турецком побережье Средиземного моря.

В Алании Коновалова снимала квартиру, жила в резиденции по соседству с немцами и голландцами. Устроилась на работу в какой-то местный журнал, ориентированный на иностранцев.

Больше ничего.

«Надо будет поискать информацию о ней в интернете», – отметил про себя Крамер.

Погруженный в мысли, он не заметил, как самолет взлетел. По салону начали разносить напитки, а ему захотелось курить.

Курение оставалось его последней неразрешенной проблемой. После развода он постарался кардинально изменить свою жизнь. Никакого алкоголя. Никаких наркотиков. Ничего такого, от чего он мог бы попасть в зависимость. Ведь именно пристрастия к наркотикам и спиртному стали причиной распада его семьи. Вместе с женой он потерял и дочь. А вместе с дочерью – смысл жизни...

Крамер понимал: алкоголизм и никотиновая зависимость – пристрастия одного порядка, однако если ему удавалось не пить уже восемнадцать месяцев, то бросить курить он так и не смог. Аллен Карр⁴ помог ровно на двое суток. Интернет-пособия вообще не оказали какого-либо влияния. Осознавая, какой разрушительный вред он наносит своему организму, Крамер по-прежнему выкуривал по полторы пачки в день.

Отчасти всему виной было его нежелание верить людям. По его мнению, многочисленные онлайн-тренинги, книги и прочие труды на темы: «Как сбросить вес», «Как бросить курить» или «Как увеличить свою мотивацию», – создавались с единственной целью: заработать на проблемах людей. Легче пообещать курящему немотивированному толстяку волшебную панацею, чем заставить его по-настоящему работать над собой. При этом мало кого волнует, что Аллен Карр умер от рака легких. Как никого не беспокоит, что автор книги о семейной гар-

⁴ Аллен Карр (1934–2006) – основатель международной сети клиник, помогающей курильщикам бросить курить, применяя методику, описанную в его книгах, среди которых наиболее известна «Лёгкий способ бросить курить» (1985). Скончался от неоперабельной формы рака легких.

монии застрелил свою жену⁵, Карнеги умер в полном одиночестве⁶, а корейская писательница, автор бестселлеров «Как быть счастливым» повесилась от депрессии⁷

Леонид задумчиво покачал головой.

Впереди оставалось около двух часов полета, а губительное желание нарастало с каждой минутой... Крамеру хотелось почувствовать, как дым проникает в легкие, а из легких в кровь. Как к сердцу и мозгу мчится никотин, и те двести смол и ядов, что выделяются в процессе горения... И смерть на мгновение становится ближе, словно здороваясь с ним через объятия густого белого дыма. А потом, вместе с выдохом, уносится прочь...

Словно слова из песни.

– Так не пойдет, – злясь на себя, пробурчал Крамер.

Чтобы не искушаться подобными мыслями, он затолкал папку обратно в сумку, повернулся набок и, прикрыв шторку иллюминатора, закрыл глаза.

* * *

Самолет приземлился в международном аэропорту Анталии точно по расписанию. Крамер быстро прошел таможду, и уже через сорок минут оказался на улице.

После осенней Москвы погода показалась ему особенно жаркой. В сентябре солнце тут припекало, и в воздухе ощущалась влажность. Да и сама атмосфера разительно отличалась от всего, к чему он привык в России: и пальмы, и трава, и небо – на что не посмотри – выглядели ярче и насыщенней, чем где бы то ни было. Словно мир засунули в Photoshop и поигрались с настройками. Люди улыбались. Туристические гиды приветливо махали руками. Курортное настроение начинало пронизывать приезжающих с первых минут.

Неподалеку от входа Крамер заметил мужчину за сорок. Тот держал в руках табличку с надписью: «ЛЕОНИД КРАМЕР. МОСКВА»

Пухлый коротышка с залысиной, одетый в гавайскую рубашку и длинные хлопковые шорты – человек Коновалова, который негласно приглядывал за дочерью бизнесмена. Пока ее не убили.

– Меня зовут Павел Черемисов, можно просто Паша, – представился он, и они зашагали в сторону автостоянки. – Я буду тебе помогать. Появятся вопросы, пожелания, просьбы, что угодно, только свистни и я тут как тут.

Это прозвучало наивно, но Крамер не стал возражать.

– Что тебе известно о произошедшем? – вместо этого спросил он.

– Все шло своим чередом и вдруг она просто пропала. Не ходила на работу несколько дней. На телефонные звонки не отвечала. Ее редактор забеспокоилась и позвонила *капыджи*

– Капыджи?

Прежде, чем ответить, Черемисов остановился около старенького «Фиата» и, разблокировав замки, жестом пригласил Леонида садиться.

– Смотрителю жилого комплекса. Здесь практически в каждом комплексе есть человек, который ухаживает за садом, чистит бассейн и так далее. Он открыл дверь запасным ключом и обнаружил тело.

⁵ Дерек Медина (род. 1982) совершил убийство в 2013 г.; в 2016 г. был приговорен судом к пожизненному лишению свободы.

⁶ Дейл Карнеги (1888–1955) – американский педагог, лектор, писатель. Разработал концепцию бесконфликтного общения, основал курсы по самосовершенствованию, навыкам эффективного общения.

⁷ Чхве Юн Хи (1947–2010) – телеведущая и писательница, совершила самоубийство вместе с 72-летним супругом.

Автомобиль выехал со стоянки. Из колонок негромко звучала «Баста»: Вася Вакуленко ритмично зачитывал текст. Крамер часто слышал эту песню по радио. Кажется, она называется «Моя игра».

– Как ты узнал об этом?

– Алания – это курорт, вроде российского Сочи. Тут люди умирают нечасто. И в основном в море. Хотя... Припоминаю одну парочку в прошлом году. В общем, слухи тут распространяются быстро. Буквально на следующий день вся Алания уже была в курсе. В том числе я.

Паша замолчал и сбросил скорость. Автомобиль подскочил на «лежачем полицейском», и они проехали мимо одноэтажного здания блокпоста. Рядом с поднятым шлагбаумом стоял охранник и, крепко держа в руках автомат, внимательно вглядывался в проезжающие машины.

– Давно живешь в Турции? – поинтересовался Крамер.

– Девять лет.

– Это срок.

– Ага. Три года назад получил гражданство. До этого каждый год продлевал вид на жительство.

– А как вообще оказался здесь?

– Любовь, – Паша засмеялся, как будто сам не до конца в это верил. – Приехал в Аланию по работе. Встретил девушку. Ну и закрутилось.

– Местная?

– Из Голландии. Тут тогда были сплошные банановые плантации. Голландцы первые *про-чухали* перспективы, и начали скупать землю по всей провинции.

Паша прибавил газу, и они проскочили перекресток за секунду до того, как загорелся красный. На столбе Крамер увидел указатель: до Алании сто сорок шесть километров.

– Мне сказали, ты говоришь по-турецки, – заметил Паша.

Крамер кивнул.

– Немного. Но я очень давно не практиковался.

– Где выучил?

– В армии.

– Не знал, что в армии учат иностранные языки.

– В некоторых частях учат.

– Вот, – Паша достал из бардачка тонкую папку и протянул ее Крамеру, – то, что мне удалось раздобыть вчера: полицейские протоколы и список контактов из телефона Анны.

– Как?

– Купил. Несмотря на высокие зарплаты, турецкие полицейские уверены, что им не доплачивают. Я не знал, понадобятся ли тебе эти документы...

– Спасибо. Ты все правильно сделал, – поблагодарил Крамер. – Сколько времени прошло с момента смерти до обнаружения тела?

– В документах все есть. По-моему, не больше восьми часов. А что?

– Ты сказал, что она отсутствовала на работе несколько дней. Если ее убили лишь за восемь часов до обнаружения, значит, она не ходила на работу по какой-то другой причине.

Паша недоуменно на него уставился:

– Точно!

«Если бы все было так легко...», – подумал Крамер. Он до сих пор толком не представлял с чего именно начать работу. «Дело Коноваловой» напоминало пазл, первая половина фрагментов которого испорчена, а вторая – потеряна. Крамер смотрел на детали из документов, и не мог представить, как состыковать их вместе. Поэтому любые дополнительные материалы он воспринимал с радостью.

Тем временем Паша продолжал:

– Я не знал, что тебе еще может понадобиться. Брал все подряд. Но теперь ты сможешь составить список того, что тебе действительно нужно. Знаешь, все эти детективные штуки... У меня в городе хорошие связи, – гордо добавил он.

Крамер ничего не ответил.

Трасса привела их в небольшой городок. Грязные трехэтажные дома с торчащей из крыш арматурой. Маленькие оконца и балконы с лестницами на первый этаж. Некое подобие промышленной окраины и сельской глубинки. Справа от дороги, прямо посреди апельсиновой рощи стоял маленький бетонный завод.

«Не самый лучший район», – оглядываясь по сторонам, подумал Леонид.

Дорога свернула на побережье и Крамер замер от удивления.

Море. Светло-голубое у пляжа, оно меняло цвет на темно-синий у горизонта, а причудливые провалы подводного ландшафта тянулись по поверхности на многие километры вперед. Повинуясь неведомой силе, его волны стремились к побережью и пеной разбивались о берег.

– Как давно ты работаешь на Коновалова? – Крамер кое-как оторвался от вида.

– Антон вышел на меня почти сразу, как она переехала. И попросил помочь, – Паша не стал вдаваться в подробности. – Имея деньги и связи, здесь несложно быть в курсе жизни другого человека, – немного подумав, добавил он.

– Даже когда он умрет.

Паша бросил на Крамера гневный взгляд:

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что как-то хреново ты за ней присмотрел, человек со связями. Девочку хлопнули у нее же дома.

– По-твоему это моя вина?

Крамер предпочел промолчать. От долгого сидения у него затекли ноги.

– Послушай, я не знаю, чего тебе там сказали... Или не сказали. Но я к своим обязанностям подошел ответственно! Меня не просили за ней следить, прятаться в кустах и фотографировать. Я просто периодически проверял, нет ли у нее финансовых трудностей, проблем на работе, не докучает ли ей кто-то из местных, и все в таком духе.

– А проблемы случались?

– Пару раз, – он ненадолго задумался. – Турки, знаешь ли, любят красивых девушек.

Оставшуюся часть пути они молчали.

Трасса проходила вдоль Средиземного моря и Крамер любовался им как ребенок. Погрязнув в суете повседневности, он редко выбирался в отпуск. Даже когда был женат.

Наконец, они въехали в Аланию, зажатую между горами и морем.

Вдоль дороги выстроились ряды разнотипных строений: автосалоны, красивые высотки и грязные трехэтажки, вроде тех, что Крамер видел на выезде из аэропорта. Стало ясно, что город активно адаптируется под туристические условия, перестраивается и, несомненно, становится лучше. Банановые плантации отступают, уступая место современному городу европейского типа.

Вскоре они свернули в сторону пригорода.

– Махмутлар, – прочитал Крамер на знаке.

– Раньше это были разные города: Алания, Оба, Тосмур, Кестель и Махмутлар, – не отрывая взгляд от дороги, сказал Паша. – Теперь они считаются районами Алании. Границы между населенными пунктами стерлись. Один дом заканчивается в Тосмуре, а следующий стоит уже в Обе. За последние тридцать лет население Алании выросло в несколько раз.

Машина съехала с трассы и покатила по брусчатке. Вокруг теснились огороженные высотки с бассейнами на территории. Каждое строение имело индивидуальный дизайн: синее здание со спиралевидным шпилем на крыше соседствовало с коричневым домом, балконы которого украшали резные колонны. Мало общего с российскими типовыми пятиэтажками.

– Проспект Барбарос. Центральная улица Махмутлара. Тянется вдоль моря. Поживешь тут неделю и захочешь остаться навсегда. К слову, у меня есть на примете несколько неплохих квартир. Имей в виду.

Леонид удивился такому странному предложению. С чего у него должно появиться желание купить тут квартиру?

Через пару минут они свернули на другую улицу, пересекли площадь и въехали на территорию жилого комплекса. Крамеру хватило одного взгляда, чтобы оценить его по достоинству: три бело-голубых здания и двухэтажный домик рядом с парковкой; пальмы, много зелени и огромный бассейн с шезлонгами.

– Блок «Б». Девятый этаж, квартира с видом на море. Тебе понравится, – сказал Паша и протянул Крамеру ключи. – Еда и пиво в холодильнике. На столе в гостиной ты найдешь телефон с местной SIM-картой. Мой номер есть в памяти. Если что-то понадобится, звони.

– Спасибо, – Крамер пожал Паше руку и вылез из машины.

Снаружи он снова почувствовал давление знойного дня. Воздух был горячим и вязким. Леониду захотелось принять душ, перекусить и приступить к работе. Он взял сумку с заднего сиденья автомобиля и зашагал в сторону здания. Павел Черемисов просигналил ему на прощание, развернулся и укатил прочь.

Глава 2

Крамер жевал бутерброд с чем-то наподобие ветчины, и в очередной раз перечитывал дело Коноваловой. Сквозь сухие отчеты ему едва удавалось рассмотреть что-то полезное.

Из стенограммы опроса соседки, Фатош Мете:

Анна была очень хорошей девушкой. Представить не могу, кто мог сотворить с ней такое... Я действительно заходила к ней утром. Она показалась мне вполне нормальной, жизнерадостной. Собиралась куда-то...

Из стенограммы опроса капыджи жилого комплекса, Атиллы Вариш:

Она была самой обычной квартиранткой. Молодая. Красивая. Работала в Алании. По выходным загорала у бассейна. В отличие от многих всегда здоровалась, спрашивала, как дела...

Крамер отложил листки в сторону. Информации катастрофически не хватало... Он достал из кармана мобильный и набрал номер офиса.

– Детективное агентство «Крамер и партнеры», – после пары гудков ответил знакомый голос.

– Ирина, выйди на факультет журналистики МГУ, поспрашивай насчет Анны Коноваловой. *Той самой*. Если сможешь подобраться к ее последнему месту работы, будет здорово.

Она давно усвоила его стиль общения, поэтому не стала тратить время на приветствия и сразу включилась в разговор.

– Мы ищем что-то конкретное?

– Нет. Просто скинь мне все, что сможешь нарыть. Спасибо, – Леонид повесил трубку.

Крамер до конца не знал, что именно ищет. Он согласился на это дело так быстро, что не сумел осознать детали того, *чем* ему предстояло заняться. *Быть аудитором смерти...* Составить отчет после трагической гибели ни в чем не повинной девчонки.

Серые столичные будни сожрали Крамера целиком. *Неверные супруги и мелкие жулики – в жизни Крамера их стало слишком много...* Возможность выбраться за границу, да еще и получить за это приличное вознаграждение, оказалась слишком большим искушением.

Крамер встал из-за стола, вышел на балкон и закурил.

Паша был прав: квартира ему очень понравилась. Просторная, чистая, аккуратная, она состояла из гостиной, совмещенной с кухней, и двух спален, одна из которых имела собственную ванную комнату. Огромный балкон напомнил Крамеру его первую квартиру в России: на точно такой же площади российские строители уместили прихожую, кухню и комнату, а здесь это был просто... *балкон*.

Жара спала, а с моря подул приятный теплый ветер.

С девятого этажа резиденции открывался непривычный контрастный вид: ровные улочки Махмутлара с зелеными проплешинами незастроенных пустырей, яркие высотки с большими бассейнами, соседствующие с низенькими пятиэтажками без какого-либо шика на территории. Полное отсутствие единства стилистики и архитектуры, – словно проектировщик района страдал особо изощренной формой невротического расстройства. *И бочки...* Бесчисленное количество бочек на крышах – таких же разных, как и здания, на которых они установлены.

Крамер стоял и думал, что делать дальше. Он спрашивал себя: на какой результат рассчитывает Коновалов? Что станет итогом его работы? Несколько страниц, лишний раз подтверждающих выводы полиции? Болезненные воспоминания соседей и друзей о «хорошей девочке Ане»? Крамер не знал. Отчасти для себя, отчасти для дела он собирался понять, каким Анна

была человеком, чем она жила, чем увлекалась. Пока не узнаешь человека, нельзя делать о нем какие-то выводы. Даже мертвый, он может быть интересен.

Что касается фактов, то сейчас только две версии преступления казались Крамеру мало-мальски правдоподобными.

Первая – смерть Анны связана с ней самой. Ее убили, потому что она что-то узнала, кому-то навредила и так далее. Список мотивов может быть длинным. Вторая – смерть Анны связана с бизнесом ее отца.

В пользу первой версии говорили обстоятельства смерти девушки. Это не было автомобильной аварией или спонтанным нападением в парке. Ее *убили умышленно*, дождавшись, когда она окажется дома совершенно одна. *Убили тихо*, раз никто из соседей ничего не услышал. *Убили аккуратно*, не взломав дверь и не устроив погрома. Значит ли это, что она сама пустила убийцу в квартиру? В любом случае *modus operandi* свидетельствовал в пользу тщательной подготовки совершенного преступления и, значит, у него должен был быть очень весомый мотив.⁸

Вторая версия казалась Крамеру менее вероятной. Девяностые в прошлом. Теперь, чтобы проучить человека, нет нужды убивать его родственников.

Автопарк Коновалова стоил больше, чем оборонная программа Латвии за прошлый год... Пожелай кто-то по-настоящему навредить бизнесмену, он бы уничтожил его машины. Или остановил одну из строек. Крамер не сомневался, время жестоких расправ кануло в Лету, и никто из конкурентов Коновалова не осмелился бы так поступить с его дочерью.

На кухне закипел чайник – причудливое турецкое приспособление, в котором заварник устанавливался над чашей с кипятком, и заваривание чая происходило на водяной бане. Крамер подошел к плите и выключил газ. Теперь чаю следовало дать настояться.

В голове яркими воспоминаниями промелькнули события последних двух дней: неожиданный звонок, встреча с Коноваловым, перелет в Турцию... Крамер не зря взялся за это расследование: необычное, но интересное, оно разительно отличалось от большинства дел в его повседневной практике.

Детективное агентство «Крамер и партнеры», – *хотя и партнеров*– оказывало точно такой же спектр услуг, как и любое другое детективное агентство Москвы: слежка за неверными супругами, пикап – провокация измены, – сбор компромата, тестирование на полиграфе сотрудников предприятия.

Ничего выдающегося.

Перепачканная в грязи, рутина.

Работа, повязанная на лжи.

Тем не менее Крамеру она нравилась. Само название – *частный детектив* – вызывало у него чувство ностальгии, а в сознании всплывали образы из далекого детства, когда он зачитывался историями о Стиве Хармсе и Филипе Марлоу⁹, или не мог уснуть, переживая за Уолтера Неффа¹⁰ и его коварную подружку.

Будучи настоящим ценителем жанра, Крамер знал: хороший детектив состоит из завязки, интриги и шокирующего разоблачения. А вот из чего состоит частный детектив? Это вопрос совсем иного характера, так как относится к реальной жизни. Если сжать весь опыт Крамера до размеров одной строки, то он сказал бы, что детектив – это профессиональный лжец, выводящий на чистую воду других лжецов. Может быть, менее опытных.

⁸ Образ действия (лат.).

⁹ Персонажи детективов Д. Х. Чейза и Р. Чандлера.

¹⁰ Герой фильма «Двойная страховка», 1944 г., снятого по мотивам одноименной повести Д. Кейна.

Как ни прискорбно, но реальный образ частного детектива разительно отличался от образа, который рисовал Голливуд или издательский бизнес. Тем более, ничего похожего на работы в стиле нуар...

Хотя это было бы забавно!

Крамер представил себя сидящим в крохотной комнатухе в офисном здании на рабочей окраине. На голове шляпа: трилби или, на худой конец, борсалино. В пепельнице тлеет сигара, на столе стоит запотевший стакан виски со льдом. У него в кармане последние пять долларов. Вдруг раздается стук в дверь и в комнату заходит красотка... Естественно, роковая.

Крамер тихо рассмеялся.

В жизни так не бывает. Жизнь вообще штука чертовски жестокая. Крамер не раз убеждался в этом на собственном опыте.

Он появился на свет в Саратове тридцать три года назад, но мать отказалась от него сразу же после рождения. Приемных родителей, увы, у него так и не появилось, и до совершеннолетия Крамер кочевал из одного детского дома в другой.

Как и все детдомовские подростки он прошел через озлобленность, осознание собственной ненужности; рано начал курить, а все свободное время проводил на улице.

Он даже совершил несколько незначительных преступлений – *по малолетке*, как тогда было принято говорить. Впрочем, никого это особо не волновало. Страна переживала тяжелые времена, и его личная маленькая трагедия – *безотцовщина* – не шла ни в какое сравнение с трагедией целого государства.

К счастью, он вовремя одумался и свернул с наклонной на путь, который мог дать ему хоть какие-то перспективы в будущей жизни. После школы он сумел поступить на бесплатное отделение в Тульский Государственный Университет по специальности «Психология».

Пять лет Крамер жил в местной общаге, подрабатывая на разгрузке железнодорожных вагонов, учился как проклятый и, в конечном счете, получил диплом об образовании.

Снова оказавшись на перепутье, Крамер пошел работать в первое попавшееся заведение, одобрявшее его резюме. Этим местом стал центр реабилитации наркоманов-подростков при областной клинической больнице.

Работа не слишком оплачиваемая, но принеся ему большое количество опыта.

Каждый раз обитатели центра бросали тяжело, но «навсегда», однако уже через несколько месяцев Крамер встречал их снова. Они возвращались: или на новую реабилитацию, или в городской морг – одноэтажное здание из красного кирпича, стоявшее по соседству.

Крамеру хватило года, чтобы возненавидеть их всей душой.

Недолго думая, он получил расчет и объявился в призывной комиссии своего округа. Он решил: может быть, армия поможет ему как-то пробиться в жизни.

Шел 2004 год. Антитеррористическая операция российских войск в Чечне подходила к концу, но Крамер все равно добился перевода в одну из частей, базировавшихся в мятежной республике. В больнице он уже видел людей, которые убивают сами себя. Теперь ему предстояло посмотреть на людей, которые убивают друг друга.

Однако ничего нового он не открыл.

Война. Быт солдат. Мародерство и редкие стычки с боевиками.

Грязь. Виш. И водка. Три слова, настойчиво возникающие в сознании при мыслях об этой войне.

Крамер давно заметил непреодолимую тягу характеризовать разного рода события (или людей) при помощи нескольких простых слов. Как правило, трех. *Кафель, холод и драка* – если речь шла о ранних годах детского дома; или, если о последних двух перед окончанием вуза – *работа, деньги и секс*.

Позже, уже учась в институте, он часто анализировал эту свою странную склонность, но так и не смог прийти к однозначному выводу. То ли это был способ эмоциональной самоза-

щиты, то ли Крамеру подсознательно нравилось выступать в роли «эксперта»... Сами по себе слова всплывали у него в голове. Словно отражение первого впечатления. «Грязь, водка и вши» точно описали ощущения Крамера от Второй Чеченской кампании.

Единственное, в чем ему удалось себя проявить на этой войне – это искусство допроса. В отличие от сослуживцев он не ломал пальцы и не отрезал уши попавшим в плен террористам. Тем более что в отношении *идейно подкованных* боевиков такие методы не работали... Несмотря на изощренные пытки, многие из них были готовы умереть, но не сотрудничать с «федералами». Незадолго до этого, в 2001 году, чеченский бард Тимур Муцураев выпустил новый альбом¹¹ – потрясающий, по мнению Крамера, инструмент пропаганды. Вдохновленные проповедями имамов, прослушиванием нашидов¹² и песен Муцураева, бандиты шли в бой, готовые умереть в любую минуту. Однако Крамеру удалось разработать систему действий в отношении захваченных боевиков. Он чувствовал их. Раскладывал на части, будто какой-то пазл, и затем из мелких деталей воссоздавал заново. Грязь под ногтями, жестикуляция и даже акцент – все это говорило о них больше, чем они сами могли предположить. В конечном счете Крамер понимал, *куда* следует надавить и *с какой стороны* зайти, чтобы разговор вошел в нужное русло. Леонид добивался задуманного примерно в семидесяти процентах из ста...

Вернувшись домой, Крамер ненадолго устроился работать в частное охранное агентство, чтобы иметь время определиться, что делать дальше. Но оказалось, за него уже сделали выбор.

Однажды ему позвонили из местного Управления ФСБ и пригласили на беседу. Он поначалу решил, что это как-то связано с его службой в Чечне, – в то время многих ветеранов войны ставили на контроль в спецслужбах. Но не тут-то было... Ему предложили работу в московской неправительственной организации, осуществлявшей деятельность «под крышей» ФСБ, в должности *профайлера*.

Крамер впервые услышал это слово на собеседовании. Майор ФСБ пояснил, что профайлером называют специалиста, который с помощью психологии и иных методов анализа поведения человека может рассказать о личности преступника и, проанализировав вещественные доказательства, спрогнозировать его дальнейшее поведение.

Майор добавил, что еще со времен СССР спецслужбы пытались использовать методы психологического анализа для поимки преступников. К сожалению, не до конца успешно. В научных кругах *профайлинг* до сих пор считался разновидностью шарлатанства. Однако научные открытия последнего десятилетия 20 века дали этому направлению новый толчок развития. Полиция и специальные службы большинства стран успешно использовали профайлеров в своей повседневной деятельности.

Крамер, не раздумывая, согласился.

После этого он несколько лет жил стабильно и очень прибыльно. Купил однокомнатную квартиру и машину. Впервые за долгое время он расслабился.

В основе своей, в разработке ФСБ находились чеченские боевики и русские экстремисты. Начальство предоставляло Крамеру информацию и он, проанализировав ее, делал прогноз относительно возможного поведения и дальнейших действий исследуемых людей.

Связь организации с ФСБ давала несколько ощутимых бонусов: Крамер записался на бесплатные курсы турецкого языка. Английский он более-менее освоил еще в университете, а чеченский (третий и последний вариант) его совсем не интересовал. Имелись и минусы: доступ к секретной информации, а значит – статус «невъездного» на ближайшие несколько лет.

¹¹ Муцураев Тимур (род. 1978) – чеченский автор-исполнитель, участник вооруженного конфликта в Чечне на стороне сепаратистов. Около 100 песен Муцураева признаны российским судом экстремистскими и запрещены. «Инша Аллах, сады нас ждут» – альбом 2001 г., в названии которого присутствует ритуальное молитвенное восклицание, используемое в мусульманских странах, как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха.

¹² Мусульманское снопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов.

В 2007 году Крамер встретил девушку своей мечты и женился. Почти сразу у них родилась дочь. К сожалению, счастье продлилось недолго, и уже через четыре года они подали на развод. Почему? Леонид до сих пор не мог назвать точной причины. Или, если говорить откровенно, выбрать главную из целой кучи причин.

Хорошая жизнь в какой-то степени развратила Крамера. Прошлая неприязнь к наркоманам если не испарилась, то стала менее значимой. Он начал пить, иногда расслаблялся с помощью *марок* и кокаина.¹³

Опоздания на работу случались все чаще, отчеты и прогнозы становились все менее точными. В дополнение ко всему в отличие от коллег он никогда не испытывал патриотических чувств к Родине: *ему было трудно любить государство, которое с детства относилось к нему, как к мусору*. Это не осталось незамеченным для руководства; однажды его вызывали в кабинет непосредственного начальника и попросили уйти. Крамер не стал возражать. Просто подписал дополнительное соглашение о государственной тайне, закинул вещи в пластиковую коробку и ушел прочь.

К этому времени его брак тоже трещал по швам, а увольнение поставило жирную точку и в этой части биографии Крамера. Он пытался что-то исправить: завязал с наркотиками, пил не чаще раза в неделю, – но безуспешно. Через несколько месяцев они с женой все-таки развелись.

Это в какой-то степени встряхнуло Крамера.

Он полностью завязал с выпивкой и решил начать абсолютно новую жизнь. Переехал в другой район столицы и открыл собственное агентство, совместив *профайлинговую* деятельность с детективной.

Знакомства, приобретенные в ходе государственной службы, помогли ему в поиске частных клиентов. Теперь он зарабатывал не так много, как раньше, зато был свободен в выборе дел. Разного рода клиенты регулярно обращались к нему с заказами: будь то тестирование на детекторе лжи, слежка за неверным мужем или помощь в вызволении родственника из деструктивной секты.

Через три года после увольнения ФСБ сняло с него статус «невъездного» и он подал в УФМС заявление на оформление загранпаспорта. Однако воспользовался им всего раз, по туристической путевке съездив на неделю в Болгарию.

* * *

Солнце скрылось за крышами зданий и на улице стало быстро темнеть.

Только сейчас Крамер понял, как сильно устал. Он не спал почти двое суток, и чувствовал себя вымотанным.

Крамер посмотрел в сторону бара, где призывно блестели бутылки с алкоголем самых разных сортов. *Нет*. После последнего срыва прошло пятьсот сорок два дня – полтора года без выпивки стоили того, чтобы за них бороться. Крамер не собирался обнулить эту цифру единственным глотком алкоголя. Каким бы притягательным тот не казался.

* * *

– Я не могу сказать ничего определенного, – у Натальи Пахомовой, главного редактора журнала «Алания Таймс», был очень приятный голос. – Я сразу почувствовала неладное. Раньше она всегда предупреждала меня, если задерживается или хочет взять дополнительный выходной...

¹³ Сленговое название ЛСД.

Она замолчала и, словно извиняясь, добавила:

– У нас коммерческое издание. Коллектив очень дружный. Поэтому я спокойно отношусь, когда девочки хотят отдохнуть дольше положенного. Кто-то уезжает в горы на выходные, кто-то катается на яхте.

Крамер и Наталья сидели в кафе «Çititit» в историческом центре Алании. На вид ей было чуть больше сорока. Черные волосы, выразительные глаза и изогнутые брови. Такая упрощенная версия Джейми Ли Кертис, образца 1994 года¹⁴: короткая стрижка, выразительный макияж и третий размер груди.

С раннего утра Леонид поработал над списком контактов из телефона Коноваловой, расSORTИРОВАВ номера на нужные, ненужные и непонятные. Там же он нашел телефон Натальи Пахомовой и, с трудом дождавшись наступления рабочих часов, сразу ей позвонил.

Крамер сказал правду: что он детектив, представляющий интересы семьи погибшей, и его интересует информация о последних неделях жизни Анны. Наталья удивилась, но с радостью согласилась помочь. Они договорились встретиться в этом кафе, неподалеку от офиса «Алания Таймс».

– Что значит «коммерческое издание»? – спросил Леонид.

– Вы когда-нибудь бывали в нашей провинции раньше? – вопросом на вопрос ответила женщина.

– Нет.

– Тогда я должна вам кое-что объяснить. Алания, Анталия и другие города Средиземноморского побережья, раньше ничего из себя не представляли. Но все изменилось с приходом иностранных инвесторов. Сначала тут построили отели, потом начали строить дома. Эти города стали чрезвычайно популярны у жителей стран СНГ и Евросоюза. Например, Кемер предпочитают немцы и англичане. Авсаллар любят голландцы. А русскоязычные жители стран бывшего СССР облюбовали Аланию.

– Я должен сделать из этого какие-то особые выводы?

– Я всего лишь хочу сказать, что недвижимость стала ключевым элементом бизнеса нашего региона. Квадратный метр жилья в самом эксклюзивном жилом комплексе Алании стоит меньше, чем квадратный метр в старой хрущевке на окраине Москвы, что делает местную недвижимость очень привлекательной. Это факт определяет работу в том числе и нашего журнала. Мы ориентированы на иностранцев. Издаемся раз в месяц на двух языках: русском и английском. И больше половины наших материалов – это реклама: обзор предложений в комплексах премиум-класса, статьи формата «что посетить». Вот что я имела в виду, когда говорила о коммерческом характере журнала. То есть да, мы печатаем новости, но самые обычные, никаких сенсаций.

– И чем конкретно занималась Анна Коновалова?

– Писала статьи. Готовила рекламные материалы. Перерабатывала пресс-релизы строительных компаний в пригодный для обывателя вид. В общем, работала, как и все.

Крамер чувствовал, что Наталья что-то недоговаривает. Ей хотелось быть откровеннее, но профессиональная корректность не позволяла говорить свободно.

– Как бы вы оценили ее журналистские качества? – наугад спросил он. – Все-таки она была человеком немного иного круга...

Наталья поморщилась.

– Если вы имеете в виду ее богатых родителей, то она не особо об этом распространялась. Мы сами узнали, что она *та самая* Коновалова только через несколько месяцев после принятия ее в штат. А как журналист она была хороша. У меня никогда бы не повернулся

¹⁴ Джейми Ли Кертис (род. 1958) – американская актриса и детская писательница. В 1994 году исполнила главную женскую роль в фильме «Правдивая ложь»

язык сказать, что она не подходит для этой профессии. Наоборот, в каком-то смысле, это наше издание не соответствовало уровню ее перспектив.

– Настолько большой талант?

– Талант в журналистике имеет второстепенное значение. Главную роль играет умение сосредоточиться на объекте изысканий, неуклонно двигаться в направлении цели. Анечка... – голос редактора дрогнул. – Анечка была как раз таким человеком... В ней чувствовался внутренний стержень.

Крамер не нашел, что ответить и несколько минут они молча пили чай.

– Анна часто пропадала в последнее время? – наконец, спросил он.

– Начиная с июля, она регулярно брала два дополнительных выходных примерно каждые пару недель.

– Чем она занималась?

– Не знаю.

– Какие-нибудь предположения?

– Увы, но нет.

Крамер не стал допытываться дальше.

– Думаю, этого достаточно. Спасибо, что помогли, – он достал из кармана визитку и написал на ней номер своего турецкого телефона. – Свяжитесь со мной, если вспомните что-то еще.

– Конечно, – Наталья встала из-за стола и, попрощавшись, зашагала в сторону выхода.

Леонид какое-то время сидел в одиночестве. Атмосфера курортного города быстро выбила из него суету, присущую всем жителям российской столицы. Он расслабился и в который раз поймал себя на мыслях о пляже, чае со льдом и полуголых красотках, туда-сюда разгуливающих по побережью. Что ж, если к концу недели он не узнает чего-нибудь эдакого – *в чем, естественно, он сильно сомневался* – то позволит себе пару веселых деньков, прежде чем сядет в самолет и улетит обратно в Россию. А пока... ему надо было забыть об удовольствиях и отработать гонорар, полученный от Коновалова.

Крамер порылся в карманах брюк, выложил на стол пачку «Кэмел» и смартфон. Сигаретка ему сейчас не помешает. Леонид закурил и посмотрел на улицу.

Белое тонированное «Рено» перегородило путь небольшому грузовичку, который и так и сяк пытался подъехать к мини-маркету на противоположной стороне дороги. Судя по надписям на кузове грузовика, это был экспедитор, приехавший в магазин с товаром. Машина несколько раз сдала назад, попыталась развернуться и остановилась. Водитель дал три длинных гудка, призывая «Рено» подвинуться, но машина осталась на месте.

Крамер с интересом наблюдал за происходящим. Было в этом что-то «турецкое»...

Наконец, водитель грузовика – потный толстячок в грязной футболке – не выдержал и, выскочив из кабины, зашагал к «Рено», на ходу чередуя отборный турецкий мат и жалобы Аллаху на несправедливость своей судьбы.

Но стоило ему приблизиться к «Рено», как из-под капота машины раздался длинный гудок. Что-то типа: «Я все понял». Автомобиль резко вывернул на дорогу и, быстро разогнавшись, скрылся за ближайшим поворотом. Толстяк вздохнул и, продолжая причитать, зашагал обратно к грузовику.

Крамер жестом подозвал официанта и попросил принести еще чаю, а затем, порывшись в списке контактов, нашел номер Павла Черемисова.

«Это Леонид. Свяжись со мной, когда будет время, – Крамер быстро напечатал сообщение в онлайн мессенджере „ватсап“¹⁵. – Кажется, мне и вправду понадобится твоя

¹⁵ Ватсап (англ. WhatsApp) – бесплатный мессенджер для смартфонов; позволяет пересылать текстовые сообщения, изображения, видео и аудио через Интернет. Аккаунт пользователя привязан к номеру мобильного телефона.

помощь. У тебя есть доступ к ноутбуку Анны? Я хочу узнать, какие сайты она посещала, куда она ездила».

Ответ не заставил себя долго ждать.

«Понял тебя. Рад, что мы работаем в команде! – написал Паша уже через пару минут. – Я разужнаю насчет ноутбука через знакомых в полицейском участке... Не буду обещать чего-то конкретного, но постараюсь сделать все, что в моих силах. И еще одна новость: на нашем аукционе появился новый лот – полный сборник протоколов дознания, включая копии всех материалов следствия. Я постараюсь выкупить его в самое ближайшее время. На связи!»

Ну что ж... А Паша времени зря не терял. То ли чувство вины, то ли желание вернуть расположение Коновалова, сделали его прытким и эффективным.

Теперь Крамеру предстояло решить, что делать дальше. Он уже достаточно разузнал о том, как Анна работала. Может быть, пришло время посмотреть, как она жила?

* * *

Такси остановилось около красивого здания, выкрашенного в бежевый цвет. За забором виднелся бассейн с водными горками.

«Как в отеле!» – подумал Крамер и посмотрел наверх. Он знал, что за одними из окон на десятом этаже скрывалась квартира, которую снимала Коновалова. И сейчас он собирался в нее попасть. Причем незаконно.

Проникнуть на территорию резиденции – *так тут именовались жилые комплексы с бассейном* – не составило большого труда. Крамер сделал «рожу кирпичом» и уверенно зашагал по территории. Алания – туристический город, в последнее время часто слышал он и, значит, никто не должен обратить на него внимание. Он всего лишь очередной европейский турист, снявший апартаменты на время отпуска.

Крамер вошел в подъезд, прошел мимо указателей, – *спортзал направо, сауна налево* – и вызвал лифт.

На десятом этаже никого не было.

Он тихо подошел к двери и остановился.

Замочная скважина опечатана.

Крамер в последний раз огляделся по сторонам и сорвал бумажку. Вынув из кармана набор отмычек, он склонился над замком. Чтобы вскрыть его, Леониду понадобилось чуть меньше пяти минут. Наконец, дверь поддалась и Крамер вошел внутрь.

* * *

Внешне в квартире все было нормально. Никакого беспорядка, следов борьбы. И после смерти хозяйки вещи остались стоять там, где она их оставила. На косяках, дверных ручках и прочих поверхностях виднелись следы магнитного порошка для снятия отпечатков пальцев. Криминалисты турецкой полиции как следует обработали квартиру Анны, не оставив без внимания ни один ее уголок.

Крамер натянул медицинские перчатки, купленные в аптеке по дороге сюда, и прошел на кухню.

Первым делом он заглянул в холодильник. Много фруктов, сыр и упаковка сока... В отделении для алкоголя – две бутылки вина. Ничего эдакого... За римской шторой скрывалась дверь на балкон с переполненной пепельницей на мраморном подоконнике. Крамер присмотрелся к окуркам. Тонкий «Вог».

Коридор вывел Леонида к спальням.

В первой Анна устроила что-то типа склада и гардеробной одновременно. Всюду были сложены чемоданы и коробки, оставшиеся после переезда, и много-много вещей.

Вторая спальня таила больше сюрпризов. Оказавшись внутри, Крамер понял: тут все и произошло... Постель осталась расстелена, а на матрасе виднелся красный отпечаток ладони... Кровь на белом ворсистом ковре свернулась и почернела, превратившись в бесформенное пятно.

Крамер осторожно переступил через него и заглянул в шкафы. Ничего особенного, только личные вещи.

Интересно, когда клининговая компания явится сюда, чтобы привести апартаменты в порядок? Они вычистят грязь, отмоют кровь, выбросят забытые вещи и подготовят квартиру к заезду новых жильцов. *Show must go on...* Шоу курортного города.¹⁶

Крамер вернулся в коридор и заглянул в ванную. Тут же ему открылось нечто, не отраженное ни в одном отчете и ни в одном протоколе: на зеркале был выведен смайлик, словно немая насмешка над трагической гибелью девушки.

Про себя Крамер отметил эту маленькую, но очень важную деталь. Умышленное убийство. Четкий план и расправа в нужный момент. И никакой паники. Убийца прикончил Анну, потом обмакнул пальцы в рану, прошел в ванную и аккуратно вывел смайлик на зеркале.

По своему опыту Крамер знал: хладнокровие – редкое качество, характерное лишь профессиональным наемникам. Неужели в список возможных мотивов убийства, ему снова нужно включить бизнес Валерия Коновалова?

Достав телефон, Крамер сфотографировал зеркало и вернулся обратно к входной двери. Рядом располагалась гостиная, последнее и самое большое помещение, примыкавшее к кухне.

Ряд книжных полок охарактеризовали Анну как читающую девушку, что, впрочем, было неудивительно для журналиста. Философия, социология, несколько книг по IT. Сборник дисков в стиле «new age» и альбом Элтона Джона. Разнопланово, но интересно, хотя и не сильно сочетается с ее прошлыми клубными похождениями.

Крамер заглянул внутрь закрытого отделения книжного шкафа, как, без сомнений, до него это сделали офицеры криминальной полиции. Тут Анна хранила личные вещи – те, которые не следует показывать посторонним. Документы, счета за электричество и интернет, рекламные проспекты какой-то строительной компании, договор на аренду квартиры...

«Да-а!» – удивился Крамер, увидев месячную стоимость апартаментов.

В дальнем отделении Леонид наткнулся на папку в картонной обложке. Она визуально выделялась на фоне всеобщего беспорядка.

Крамер взял ее в руки и приоткрыл. Внутри лежало несколько распечаток из интернета. Политические статьи. Автор – Анна Нихилёва.

Крамер невольно улыбнулся. Странная фамилия. Нечто среднее между «не хилая» и nihil – разновидности «nulla res»¹⁷, «ничто» по-латыни. Он не сомневался – автором статей была Анна Коновалова, писавшая под псевдонимом. Возможно, эта игра слов как ничто лучше отражала ее внутренне состояние в настоящий момент.

Леонид удивился, как полицейские не обратили внимание на содержимое папки во время осмотра места преступления?

Впрочем, они были турками, скорее всего, не говорившими по-русски, и очередная пачка бумаг на русском языке, вкуче с кучей подобных, не вызвала в них интереса. «Что ж, им же и хуже», – Крамер переложил содержимое папки к себе в портфель.

В кармане Крамера завибрировал телефон. Леонид посмотрел на дисплей – неизвестный номер, – и снял трубку.

¹⁶ Шоу должно продолжаться (англ.), также песня английской рок-группы «Queen» из альбома «Innuendo» (1991).

¹⁷ Никакая вещь. (лат.)

– Здравствуйте. Я говорю с Леонидом Крамером? – звонила молодая девушка.

– Да. А кто спрашивает?

– Я коллега... бывшая коллега Анны Коноваловой. Я увидела вашу карточку на столе Натальи Пахомовой, и решила вам позвонить. Вы расследуете ее убийство?

– Что-то вроде того, – осторожно солгал Крамер. – О чем конкретно вы хотели поговорить?

Девушка на секунду замешкалась, словно не решалась продолжить.

– Я всего лишь хотела сказать вам, что Аня в последнее время вела себя очень странно. Мы не были близкими подругами, но наши столы рядом... В общем, я невольно наблюдала за ее работой, и в последнее время... незадолго до гибели, Аня занималась чем-то серьезным. Я имею в виду, она работала над чем-то не связанным с журналом. Писала что-то, постоянно с кем-то переписывалась. Как будто расследование вела.

– Как вы это поняли?

– Сами знаете, как это бывает: тут записочка, там и-мейл, потом еще что-то...

– Вы рассказали об этом полиции?

– Я с ними не связывалась... Но я обо всем рассказала той девушке из консульства, которая проводила опрос.

– Когда?

– На следующий день после обнаружения тела. Ладно... Спасибо, что выслушали. До свидания.

– Подождите! Как вас зовут? – прокричал Крамер, но девушка уже повесила трубку.

Ничего. Если будет необходимо, Крамер без труда сможет ее найти. Вряд ли в офисе «Алания Таймс» много сотрудниц, столы которых стоят рядом с рабочим местом Анны Коноваловой.

Сейчас его больше заинтересовала «девушка из российского консульства». Крамер не знал ни одной процедуры, согласно которой представители консульства могли бы вмешаться в расследование и проводить какой-то опрос. Ему захотелось узнать подробности, однако он понимал, что просто так ему никто ничего не расскажет. Прав проводить опросы на территории Турции у него было еще меньше, чем у этой таинственной особы.

Управившись с бумагами, Крамер посмотрел на квартиру Коноваловой в последний раз и выскользнул обратно в подъезд.

Через несколько минут он вновь оказался на улице.

На противоположной стороне дороги он заметил белое «Рено» с тонированными окнами. Может быть, совпадение? Паранойя. Жаль он не запомнил тогда номера... И в профессии частного детектива имелись свои заморочки. Крамер перебежал улицу, и быстрым шагом направился в сторону проспекта Барбарос, где собирался поймать такси.

* * *

Полчаса спустя Крамер уже сидел на балконе своей квартиры, пил кофе и перебирал найденные материалы. Он внимательно вчитывался в каждый листок, параллельно делая пометки в блокноте:

Переезд в Турцию.

Плохие отношения с отцом.

Серьезная журналистика...

Расследование или обычная озабоченность...

Отгулы каждые две недели.

В этот момент на и-мейл пришло сообщение от Ирины. Короткое и лаконичное.

Ниточка в МГУ не принесла ничего, кроме подтверждения старых фактов: Анна Коновалова хорошо училась и, по мнению преподавателей, подавала надежды; при этом она была ярким представителем «золотой молодежи», много тусовалась, встречалась с парнями из богатых семей, и так далее. Ирина попробовала выйти на последних работодателей Анны в России. К сожалению, безуспешно. К слову, бывшие сокурсники Коноваловой не скрывали, что важную роль в трудоустройстве дочери сыграл сам Валерий Коновалов. **«Слабенько как– приписала в конце Ирина. – Любящий папочка мог бы постараться на „Forbes“ с „Коммерсантом“, или чего даже покруче».** И добавила смайлик.

Но Крамер не улыбался.

Он вспомнил о смайлике на зеркале в ванной комнате, и уловил в этом какой-то сакральный смысл. Сейчас ему показалось, что убийца смеялся в том числе и над ним...

Глава 3

В морг его не пустили... Крамер поговорил сначала с дежурным патологоанатомом, но тот сказал категорическое «нет»: никто посторонний не увидит тела Анны Коноваловой, ее готовят к транспортировке в Москву – и даже пригрозил позвонить полицейским. Крамер не стал искушать судьбу и поспешно ретировался.

Сейчас он сидел в ресторане на набережной и перечитывал материалы, найденные в квартире Анны.

Добрая половина из них представляла собой распечатки информационных ресурсов и новостных сайтов, аналитические статьи на тему русско-турецких отношений, кризисе в Сирии, проблемы ИГИЛ¹⁸ и американского влияния в регионе. Это было чем-то вроде портфолио, где Коновалова собрала лучшие статьи, написанные под псевдонимом.

Вторая часть наоборот не имела единого основания. Это были разрозненные фрагменты, распечатки чужих публикаций. Возможно, они относились к статьям, над которыми Анна работала в настоящий момент?

Крамер вспомнил слова анонимной коллеги о том, что перед гибелью девушка занималась каким-то расследованием... а еще брала отгулы каждые две недели...

Тем не менее заголовки статей ни о чем ему не говорили.

«Бизнес на миллион долларов».

«Особенности программирования в эпоху Интернета».

«Иммиграция. Россия теряет талантливых предпринимателей».

И так далее.

Крамер посмотрел на часы: 17:45 – и поднялся на ноги. На 18:15 у него была назначена встреча с Павлом, неподалеку от самого популярного пляжа Алании, Клеопатра.

* * *

– Как говорят в кино: у меня есть две новости – хорошая и плохая, – сказал Паша и вывернул с парковки. – С какой начать?

– Начни с хорошей, – ответил Крамер.

– Ноутбук Анны действительно в полицейском участке. Через несколько дней, думаю, мне удастся раздобыть копию его жесткого диска, включая историю браузера.

– Отлично!

– Еще бы.

– А плохая новость?

– Ублюдки отказались продать дело.

– Что это значит?

– Сейчас ментяра вынесет его из здания, и ты сможешь урвать, сколько успеешь, – печально выдохнул Паша. – Времени у тебя будет немного, это факт.

Они свернули с проспекта Ататюрка на улицу Шейха Шамиля, проехали мимо автовокзала и остановились в пятнадцати метрах от входа в полицейский участок.

– Раньше тут располагался Отдел по работе с иностранными гражданами, – в привычной манере экскурсовода пояснил Паша. – Но потом его перенесли в новый административный комплекс в Анталии, а эти помещения отдали криминальной полиции.

¹⁸ «Исламское Государство Ирака и Леванта» – террористическая организация, деятельность которой запрещена во многих странах мира, в том числе и в России.

Крамер ничего не ответил. Они несколько минут молча прождали в автомобиле, пока, наконец, в дверях полицейского участка не появился худощавый мужчина лет сорока. Одетый по форме, в темно-синие брюки и голубую рубашку с нашивками департамента полиции, он держал в руках толстую папку. Полицейский огляделся по сторонам, перебежал дорогу и быстро сел на заднее сиденье их машины.

– У вас есть десять минут, – протянув Крамеру папку с бумагами, пробормотал он.

– Да ладно тебе! – возмущенно воскликнул Паша. – За такие деньги, ты мог бы сделать нам копию прямо на полицейском ксероксе!

Полицейский гневно на него посмотрел.

– Уже девять минут, – через какое-то время сказал он.

Леонид достал телефон.

– Никаких фото! – тут же запротестовал полицейский. – Не хватало, чтобы потом эти снимки где-нибудь засветились!

Крамер недовольно спрятал телефон обратно в карман, раскрыл папку и начал перелистывать листы в поисках чего-то важного.

Показания жильцов. Опрос соседей.

Протокол осмотра места преступления: абсолютный порядок в апартаментах, отсутствие видимых следов взлома, следов борьбы. Словно смирившись со своей участью, Анна спокойно прошла в спальню, ставшую местом убийства. Или она не подозревала о том, что произойдет? В пояснительной записке следователь высказывал схожее предположение – возможно Анна знала своего убийцу.

Приложение – результат анализа дактилоскопической экспертизы: посторонних отпечатков не найдено. Все без исключения «пальчики» принадлежат трем лицам: Анне Коноваловой – арендатору апартаментов, капыджи – недавно он заходил к ней, чтобы отремонтировать кран, и соседке, которая побывала в квартире утром накануне убийства.

Далее шел *протокол первичного осмотра тела:* положение и характер ран. В отдельный конверт были вложены фотографии. Крамер внимательно их пролистал.

Анна лежала на боку, словно спала. Ночная рубашка была красной от крови. На шее и руках девушки виднелись порезы, со вспухшими краями разорванной кожи. В одном месте рана была настолько глубокой, что Крамер увидел лучевую кость... Не самое приятное зрелище. Фото подтвердили то, что Леонид и так понимал: Коновалова умирала долго и мучительно.

Отчет патологоанатома о вскрытии, как и полагалось, пестрил разными фактами: содержимое желудка, отсутствие наркотических веществ в крови, отсутствие признаков изнасилования... Смерть наступила в результате колотых ранений в область сонной артерии. Судя по характеру и глубине ран, орудием убийства послужил нож длиной двадцать-двадцать пять сантиметров с зазубринами в основании лезвия. Предположительное время наступления смерти: между десятью часами вечера и двумя часами ночи.

Еще одна интересная деталь: слово «yalan»¹⁹, нацарапанное почти у самого пола, на стене рядом с кроватью. Поначалу следователь отнес это к числу малозначимых фактов, но патологоанатом обнаружил под ногтями убитой следы краски. Судя по всему, Анна какое-то время сидела спиной к стене – *возможно, разговаривала с преступником*, – и скребла ногтями слово «yalan».

«Но почему по-турецки?» – спросил себя Крамер, и сам же ответил: «Она понимала, что умрет. А полиция быстрее обратит внимание на странное турецкое слово, нежели на неизвестное русское...»

Ложь...

¹⁹ Ложь. (тур.)

Что это может значить? Это мотив? Ее убили, потому что она солгала? Или ее обманули? «Чушь какая-то!».

– Время! – внезапно объявил полицейский и потянулся за папкой.

Паша жестом попытался его остановить.

– Постой! Дай человеку дочитать страницу!

– Не могу... Следователь скоро вернется. Мне нужно вернуть дело ему на стол.

Крамер быстрыми темпами просмотрел оставшиеся листки, но, к счастью, они представляли собой банальный отчет о проведенных следственных мероприятиях. Леониду эта информация была бесполезной.

Наконец, папка вновь оказалась в руках полицейского. Он сгладил странички и постарался уложить содержимое так, как оно выглядело в самом начале.

– Не понимаю, чего вы, русские, так интересуетесь этим делом, – нервно сказал он. – Задрали меня уже...

– Что ты имеешь в виду? Ты показывал дело кому-то еще? – удивился Паша, но полицейский, казалось, даже не слышал его.

Вместо ответа он дернул ручку и открыл дверцу машины.

– Если меня увидят в вашей компании, я в два счета вылечу с работы, – сказал он и выскочил наружу.

Через минуту он уже входил в здание полицейского управления города Алания.

* * *

– Что-то я ничего толком не понимаю, – хмуро произнес Паша и посмотрел по сторонам в поисках официанта.

Они отъехали от полицейского участка на несколько километров, снова свернули на набережную и припарковались около случайного кафе. Солнце почти закатилось за горизонт, но воздух по-прежнему оставался влажным и жарким. Кафе называлось «Голубая лагуна», и от моря его отделяло тридцать метров песчаного пляжа. Крамер и Черемисов сидели за столиком в дальней части просторной террасы.

– У тебя есть какие-нибудь соображения?

Крамер невольно хмыкнул. Соображения, если и были, то он предпочитал держать их при себе.

– Даже не знаю, – вместо этого сказал он. – Меня смущает слово «ложь». Оно как-то выбивается из общей картины, создает странное ощущение... Когда на самом деле, я думаю, убийство носит бытовой характер.

– То есть?

– Ревность, оскорбление, желание припугнуть и все в таком духе. Анна встречалась с кем-нибудь?

– Ну-у, мужчины, конечно, были. Трех точно помню, – Паша на секунду задумался, а затем начал перечислять: – Марк, коллега по журналу; потом какой-то турист, живет в Махмутларе по нескольку месяцев в году, и еще один парень... Вообще, Коновалова не стремилась к длительным отношениям. Как и многие девочки ее поколения, она искала мужчину, чтобы потрахаться, а не встретить старость вместе и умереть в один день.

– Значит, по-твоему, ее ухажеров стоит исключить из списка подозреваемых?

Паша издал смешок:

– Какой там! Их туда даже не стоит вносить! Тем более, я уверен, полиция проверила их в первую очередь.

Наконец, официант заметил их и приблизился к столику.

Паша заказал пиво и стейк. Крамер выбрал безалкогольный коктейль и котлету по-киевски. Ему было интересно, как это исконно российское блюдо готовят в Турции.

– А как насчет подруг?

– Анна не была асоциальной личностью, общалась со всеми и в меру. С кем-то проводила вечера, с кем-то ходила на шопинг. Я, если честно, не особо интересовался ее дружескими контактами. Думал тогда: какой от них прок?

Принесли еду, и следующие полчаса они провели, наслаждаясь ужином. Котлета по-киевски в турецком исполнении оказалась очень даже ничего... Они поговорили о политике и том, как русским живется в Турции, обсудили последние события на Ближнем Востоке. В ходе разговора Черемисов то и дело поглядывал на телефон. Вскоре, опрокинув в себя еще один стакан пива, Паша поднялся.

– Жена разорвала «ватсап» сообщениями, – неловко пояснил он. – Тебя подбросить?

Крамер устало махнул рукой.

– Езжай. Я еще посижу тут.

– Таман²⁰

И Крамер остался один.

Он сидел за столом и смотрел на море. В ночи оно было почти черным, а на горизонте разноцветными огоньками мигали рыбацкие лодки.

Леонид закурил.

Сегодняшний день по праву можно было назвать продуктивным. Он сумел проникнуть в квартиру Коноваловой и даже раздобыл журналистское портфолио девушки. Поговорил с коллегами, одна из которых сообщила о таинственной сотруднице российского консульства. Благодаря Паше, изучил полицейское досье и узнал про слово «ложь», нацарапанное на стене неподалеку от места убийства. *Много всего...* Наверное, именно поэтому Крамер чувствовал себя невероятно уставшим. Хотелось то ли выпить, то ли лечь спать. А в силу объективных причин, Крамер будет вынужден предпочесть последнее.

В любом случае общая картина стала теперь более-менее ясной. И Леонид уже мог сделать кое-какие выводы.

Во-первых, отчасти он мог представить причину бегства дочери влиятельного бизнесмена. Бегства от хорошей жизни, как сказала бы большинство. Анна ненавидела своего отца и хотела находиться от него как можно дальше. Нет, скорее всего она долгое время строила из себя послушную дочку, но в конечном счете сдалась и умотала в Турцию.

Анна Коновалова не была свободна никогда. Она была из тех девочек, которые делают то, что им хочется, но при этом список возможных желаний заранее изложен в специальном регламенте. Кем бы она не была: девочкой, подростком, студенткой-практиканткой или уже совсем независимой женщиной, прежде всего она оставалась дочерью своего отца, а это, порой, было для нее чересчур тяжким бременем. Подруги должны были быть «ее круга», молодые люди – тем более, профессия – соответствовать уровню ее семьи. И так далее. Несмотря ни на что, отец был для Анны тем самым человеком, которого «надобно слушаться или ненавидеть». *И она слушалась его и... ненавидела.* Скорее всего, Коновалов обо всем знал. «Наши отношения нельзя было назвать близкими», – сказал он при первой встрече, но только теперь эти слова обрели для Леонида подлинный смысл... Крамер не сомневался: выбранная Анной профессия журналиста, пришлась Валерию Коновалову не по душе. Впрочем, это не помешало ему помочь ей устроиться в модный журнал, путь в который был закрыт любому, только что окончившему ВУЗ, журналисту.

²⁰ Дословно «хорошо», употребляется в значении «о'кей». (тур.)

Журналистика, пожалуй, была единственной страстью Анны. Она действительно тяготела к этой профессии и, оказавшись в другой стране, рассчитывала реализовать себя в этом качестве.

Крамер расплатился по счету и вышел на улицу. Он достал из пачки еще одну сигарету, чиркнул зажигалкой, но та не сработала. Чиркнул еще раз... Безрезультатно. Леонид выкинул ее в урну и огляделся в поисках магазинчика, где можно было бы купить новую.

Вдруг его взгляд остановился на белом «Рено», припаркованном в паре десятков метров от ресторана.

То же «Рено», что поджидало его около дома Анны, и стояло напротив кафе «Çitirim» во время его разговора с Пахомовой.

Без сомнений, Крамера «пасли». Неумело, непрофессионально «пасли» на протяжении последних двух суток...

– Что за чертовщина?! – прошипел он и уверенным шагом направился к машине.

Водитель, скрытый за тонированными стеклами, заметил его и, взвизгнув колесами, автомобиль сорвался с места. Через каких-то десять секунд авто скрылось за ближайшим поворотом.

Крамер остановился. Теперь он уже не списывал случившееся на паранойю.

Быстро перескочив через дорогу, Леонид побежал по пешеходной площади на противоположную сторону улицы.

Он уже представлял, как устроено движение в этом районе и у водителя «Рено» был один единственный путь: сразу за перекрестком, он должен был повернуть налево (направо – автостоянка какого-то административного здания), если повезет, прождать на светофоре девяносто секунд и лишь потом выехать на проспект Ататюрка. В это время движение оставалось оживленным и машины, вперемешку с туристическими автобусами, медленно тащились по улице в направлении центра города.

Крамер надеялся успеть.

Миновав площадь, он нырнул во дворы, быстрым темпом пробежал сквозь ряды сувенирных лавок и закусочных а-ля «Люля-кебаб».

– Осторожно! – по-английски воскликнула женщина, которую он чуть было не сбил с ног.

– Прошу прощения! – не оборачиваясь, прокричал Крамер по-русски.

Выскочив на проспект Ататюрка, Крамер на секунду остановился и огляделся.

Длинная вереница машин медленно тянулась вперед. Светофор на перекрестке светился красным. И, это значит, машина преследователя все еще была где-то там... ждала, пока загорится зеленый.

Крамер двинулся навстречу огням. Цифровое табло показывало двадцать секунд – ровно столько у него оставалось времени. Он шел вдоль витрин магазинов, пытаясь визуально раствориться в толпе туристов. Наконец, он заметил его... Белый автомобиль «Рено» стоял в ожидании смены огней светофора. Туристический город имел ряд преимуществ. Крамер перебежал через дорогу, и уселся на переднее сиденье желтого такси.

– Да? – полу-удивленно произнес водитель, уставившись на Леонида.

– Видишь вон ту машину? – светофор загорелся зеленым и «Рено» начало медленно от них отдаляться; еще тридцать секунд и Крамер потеряет ее из вида, скорее всего навсегда. – Следуй за ней по пятам. Только чтобы нас не заметили!

И, стараясь придать своим словам больше веса, он достал из кармана купюру достоинством двести лир.

– Понимаю, *аби!* – водитель схватился за руль, и уже в следующую секунду такси сорвалось с места. – Дядя моего друга попал в такую же ситуацию прошлым летом. Не успел приехать отдохнуть, как его любимая закрутила роман с каким-то курдом! Представляешь? *С курдом!* Он так ее и поймал: увидел, как они разъезжают по городу на машине. Ты сам откуда, аби?

Крамер проигнорировал его вопрос.

Аби – общепринятое обращение одного турка другому, в переводе означало «старший брат», но в действительности не имело к возрасту никакого отношения. Назвать кого-то «аби» для турка, значит, высказать свое уважение, быть вежливым.

– Ты, главное, не накручивай себя раньше времени, – по-своему истолковав молчание Леонида, заговорил водитель. – Сейчас поедем, посмотрим, а там уже будешь делать выводы. Если что я тебя в такое место отвезу! Ух!.. Там такие девочки – о своей в миг позабудешь!

– Спасибо, друг, – улыбнулся Крамер, не отрывая взгляда от «Рено».

Они какое-то время ехали по проспекту Ататюрка, потом свернули на междугороднюю трассу D-400 и несколько минут катили вдоль пляжа. Вскоре Леонид заметил очертания знакомых высоток у побережья.

Они ехали в Махмутлар.

* * *

Машина остановилось около старого пятиэтажного дома на задворках Махмутлара. Крамер велел водителю притормозить, выключит фары и припарковаться неподалеку. Совсем стемнело и Леонид с трудом всматривался вдаль.

Район был из самых старых. Или самых заброшенных. Крамер мог только гадать. Дорога представляла собой смесь разбитого бетона, песка и брусчатки. Кое-где валялся мусор. Тут не было и намека не туристическую чистоту и благополучие центральных районов города. Реальность, как она есть, без фальшивого макияжа, наносимого администрацией.

Наконец, дверь авто приоткрылась и из него вышла девушка лет двадцати пяти. Светлые волосы, аппетитная попка, белые шорты и бледно-голубая майка – это все, что сумел разглядеть Крамер с такого расстояния.

Таксист победно вскинул руки над головой:

– Вот видишь! Она одна. А ты переживал, аби!

– Это точно... – ответил Крамер и протянул ему деньги. – Сдачи не надо.

Леонид выскочил из машины и осторожно последовал за хозяйкой «Рено».

Не оборачиваясь, она шагала в сторону ближайшего здания. Калитка скрипнула, и девушка скрылась на территории.

Крамер приблизился ближе и спрятался за кустами.

Дом стоял на сваях. Никакого бассейна и сада с экзотическими растениями – лишь тот же потрескавшийся бетон, что и на улице.

Леонид заметил, как девушка шагнула в подъезд и поспешил за ней. Правда, он пока сам не знал, что будет делать дальше... Внутри пахло сыростью, а напротив дверей апартаментов стояли аккуратные ряды уличной обуви.

«Жители неблагополучного района воровства не боятся», – иронично подметил Крамер и прислушался.

Никаких шагов. Или девушка уже попала в квартиру, или...

– Что тебе нужно? – внезапно прозвучало у него за спиной.

Застигнутый врасплох, Крамер не знал, что ответить.

– Не двигайся! – снова сказала девушка. – У меня пистолет.

– Ты не станешь стрелять, – спокойно отреагировал Крамер.

– Почему?

– Хотела бы, давно выстрелила. Да и нет у тебя пистолета.

– Почему? – ее голос потерял былую уверенность.

Крамер медленно обернулся. Девушка стояла, вжавшись в стену подъезда. В руках у нее ничего не было.

– На тебе футболка и шорты... Куда бы ты его спрятала?

* * *

Мужчина сидел у окна в апартаментах на высоком этаже современного жилого комплекса.

– Серийные убийцы... – растягивая слова, задумчиво произнес он.

Совсем недавно они доводили его до исступления... Десятки имен. Сотни мест. Тысячи преступлений. Но все изменилось после убийства на вилле. *Трепет пропал*... Убийство мальчишки поставило крест на его когда-то робком восхищении маньяками современности. Теперь он не чувствовал ничего, кроме разочарования.

Серийные убийцы... Больше они нравились ему в образах из книг и кинофильмов. Джон Доу, персонаж Кевина Спейси из фильма «Семь», или главный злодей «Пилы», больше соответствовали его представлению о «правильном серийном убийце», нежели их реальные воплощения.

Если задуматься: какой человек, сначала убьет подростка, а потом, расчленив, начнет мастурбировать его окровавленными конечностями? Но *Анатолий Сливко* занимался именно этим.²¹ *Джеффри Даммер*, одержимый идеей создания ручного зомби, сверлил черепа своим любовникам и впрыскивал в их околосозговое пространство жуткую смесь из химикатов и чистящих средств.²² *Альберт Фиш* похищал детей, съедал их, а потом писал письма убитым горем родителям, в подробностях описывая детали содеянного. Импозантный красавчик²³ *Теодор Банди*, вооружившись дубинкой, бродил по комнатам женского общежития, насилюя и убивая живших там девушек.

«Поступок придурка, который хочет быть пойманным...»

Мужчина мог перечислять их до бесконечности. Он наизусть знал биографии большинства серийных убийц, однако ни к кому не проникся симпатией. Все они были какими-то... слабыми, если не сказать «бестолковыми». Они руководствовались похотью, были импульсивны и, от того, в конце концов оказались на электрическом стуле.

Мужчина на дух не переносил идиотов и, тем более, не мог сделать идиота своим кумиром. Он не понимал: как можно почувствовать силу неограниченной власти над людьми – *силу отнимать жизни* – и так бездарно ею распорядиться? Конечно, имидж серийного убийцы обвязывал определенному стилю поведения... Но не настолько же глупому!

Впрочем, у мужчины имелся план, которому он неукоснительно следовал... Он был уверен: его не смогут поймать... Полицейские зачастую являлись такими же придурками, как и те, кого они искали. Мужчина не сомневался: они не смогли бы опознать настоящего преступника, даже если бы полчаса просидели с ним в комнате наедине!.. А все потому, что они изучали преступников по неудачникам – по тем, кто попался.

Это был тот самый случай, когда историю писали не победители, а побежденные. На примере тех, кого удалось схватить, следователи делали выводы относительно *всех* серийных убийц.

Им не дано понять, что абсолютно любой человек из их окружения может оказаться маньяком...

Какой-нибудь добропорядочный семьянин с приличной работой, машиной, домиком за городом и прочими привилегиями среднего класса, каждое утро сидит рядом с ними в кафе,

²¹ Анатолий Сливко (1938–1989) – советский серийный убийца, педофил. Расстрелян по приговору суда.

²² Джеффри Даммер (1960–1994) – американский серийный убийца. Приговорен к пожизненному лишению свободы. Убит в тюрьме.

²³ Альберт Гамильтон Фиш (1870–1936) – американский серийный убийца. Казнен на электрическом стуле.

и они даже не подозревают, что раз в несколько месяцев или лет он сбрасывает с себя лицемерное одеяние благопристойного образа жизни, чтобы показать миру истинное лицо. Лишь на мгновение, однако именно это мгновение, полное страданий и ужаса, помогает ему почувствовать себя по-настоящему живым...

Словно фотографию, надежно спрятанную в глубинах сознания, убийца хранит воспоминание о последнем мгновении жизни жертвы.

О последних словах.

Положении тела.

Выражении глаз.

Под личиной нравственности и высокого социального положения такого человека скрывается чудовище...

* * *

Ее звали Ольга Авдеева. И ей было двадцать семь лет.

С июня прошлого года она работала аналитиком в Генеральном Консульстве Российской Федерации в Анталии. Ей очень нравилась эта работа. До момента, когда стало известно о смерти Анны Коноваловой...

Тем же вечером военный атташе консульства вызвал Ольгу к себе и поручил разузнать о гибели Коноваловой максимум информации. Естественно, неофициально. Уже по факту рождения Анна была заметной фигурой, и российские власти хотели быть в курсе происходящего.

Ольга пригласила Крамера к себе в квартиру и поведала эту историю, показав в качестве подтверждения удостоверение сотрудника российской дипломатической миссии. Тем не менее Леонид не поверил ни единому ее слову. Он умел отличать правду от полуправды и носом чуял – в ее истории правды не больше пяти процентов.

– Когда я узнала, что тебе поручено расследовать смерть Анны, то решила проследить за тобой, – подытожила Ольга. – Ты – сыщик, а Валерий Коновалов – очень влиятельный человек. Я решила, вдруг тебе удастся разузнать что-то интересное. – Она вопросительно посмотрела на Крамера: – Тебе удалось?

Леонид улыбнулся. Он не собирался ничего ей рассказывать.

– Что за дерьмовый район? – вместо этого спросил он.

Авдеева недовольно скрестила руки на груди.

– Консульство арендовало эту квартиру. «В рамках допустимого бюджета».

Крамер рассмеялся:

– Когда клопы окончательно тебя доконают, переезжай ко мне. Уверен, ты знаешь, где меня найти.

Он двинулся в сторону выхода.

– Подожди! – окликнула его Ольга. – Не уходи...

Крамер остановился, не оборачиваясь.

– Ей нанесли шестнадцать ножевых ранений, Леонид! Шестнадцать! И в конце концов перерезали горло! Я боюсь представить себе ужас и боль, которые она пережила.

– Чего ты от меня хочешь? Я должен пожалеть ее и расплакаться?

– Нет. Ты должен мне помочь. А я помогу тебе.

Леонид обернулся.

– И как же?

– Я не знаю. У меня тоже есть доступ к информации. Ведь ты реалист, и не ищешь преступника, ты просто собираешь материалы для Коновалова. И проверяешь, нет ли тут связи с его бизнес-партнерами.

Крамер повернулся к ней, словно позволяя продолжить.

– Тем же самым тут занимаюсь и я. Так не легче ли будет нам поделиться данными, чтобы каждый остался в выигрыше? – спросил она. – Коновалов вышел из кровавых девяностых, и никто толком не знает, какие у него могли остаться долги...

«Это точно!» – подумал Леонид. Да и нынешнее положение Коновалова: бизнес, стройки, контракты – не только обогащало его, но и помогало нажить новых врагов. В том числе очень влиятельных. Тем временем Авдеева сказала:

– Власти нашей страны хотят знать, во что ввязался Коновалов...

– Ты интересно подменяешь понятия, называя московских строительных магнатов «властями нашей страны», – перебил ее Крамер. – Им плевать на Анну, на Коновалова и его возможные преступные связи! Как и на справедливость... Они хотят знать, есть ли основания ждать новых атак на бизнесмена. Если да – его позиции в московской тусовке могут заметно пошатнуться, а значит, кто-то сможет перетянуть часть его заказов себе. А вместе с ними – его власть и влияние!.. Столичные лоббисты нехило заплатили кому-то из МИДа, и вот... задание перепоручили тебе.

Возмущенная цинизмом Крамера, Ольга взмахнула руками, словно отряхиваясь от грязи, и закричала:

– Я не рада, что выбор пал на меня!.. Это даже не моя работа! Я всего лишь аналитик при консульстве! И только! Сюда бы прислать следственную бригаду, каких-нибудь воротил из прокуратуры, но ты и сам знаешь, как делаются дела в России.

– Тогда забей на все, – примирительно произнес Леонид, – ходи на пляж, загорай и отдыхай в ночных клубах.

– Не могу... Я хочу сделать карьеру. Это дело – шанс проявить себя. По крайней мере, показать свою исполнительность... Я хочу собрать всю возможную информацию о гибели Анны. Она была хорошей девушкой, и не заслужила такого... Я собираюсь приложить максимум усилий в этом расследовании. Если это поможет мне продвинуться по службе – супер! А если это поможет следствию выйти на убийцу – еще лучше! Послушай, Леонид: я предлагаю объединить наши усилия для достижения общих целей.

– Будь то карьерные притязания или миссия частного детектива?

– ...Поэтому я поделюсь с тобой тем, что имею, а ты в обмен расскажешь, что сумел раздобыть.

Крамер все еще не собирался брать ее в напарницы.

– Ты уже видел портфолио? – ни с того ни с сего спросила Авдеева.

– Не понимаю, о чем ты, – ответил Крамер.

– Я тоже побывала в ее квартире. Была в спальне. Жуткое зрелище.

– Место убийства. Чего ты хотела?

– А еще я дала взятку полицейскому и просмотрела досье, Крамер! Она умерла чудовищной смертью. А слово «ложь»... Зачем она его нацарапала? Что это значит?

Леонид пожал плечами:

– Откуда мне знать!.. Я сообщу об этом заказчику. И все.

– Не правда. Ты ведь не меньше моего хочешь поймать убийцу.

– Убийцу должна ловить полиция, а не я!

– В одном из набросков портфолио Анны упоминается компания «Айрикс», фирма русских иммигрантов. Я точно знаю, что Аня часто бывала у них в офисе и встречалась с Максимом Фроловым, одним из специалистов компании.

– Она была журналистом. Может быть, писала о них статью.

Ольга отрицательно покачала головой.

– Она бывала у них так часто, что давно могла бы написать книгу о жизни компании, включая подробную биографию уборщицы с нижнего этажа. Я разговаривала с ее коллегами из

«Алания Таймс». Одна девушка сообщила мне, что в последнее время Анна вела себя странно. Возможно, занималась каким-то расследованием.

Крамер задумался.

– Как ты про меня узнала?

– В смысле?

– В прямом.

– Военный атташе консульства, Сергей Викторович Морозов, позвонил мне накануне твоего прилета и сообщил все данные: рейс, имя, а также предполагаемое место проживания. На и-мэйл я получила и твое фото. А дальше ты и сам понимаешь: мне не составило большого труда припарковаться на противоположной от «Терадессира» стороне улицы и ждать, пока ты появишься.

– Хорошо. Допустим, я тебе верю, и мы временно работаем вместе. – Леонид устало покачал головой. – Какая мне польза от нашего сотрудничества?

– Ты можешь знать турецкий язык, но это не означает, что ты знаешь турок... и Турцию. А я живу здесь уже достаточно долго, и смогу во многом тебе помочь. Плюс ко всему, у меня тоже есть свои наработки.

– Компания «Айрикс»?

– Да.

– Вилами на воде...

– Я знаю. Это всего лишь ниточка, за которую я предлагаю потянуть. Вместе.

Крамер кивнул и сделал шаг от двери.

– Давай наведаемся к ним в офис, – словно они уже стали союзниками, предложила Ольга.

– Когда?

– Да хоть прямо сейчас.

* * *

Крамер не спал до трех часов ночи, но к утру был во всеоружии. Google и официальный сайт компании выдал ему кучу полезной – и бесполезной – информации. Если коротко: «Айрикс» позиционировала себя как «генератор инновационных идей», но по факту владела одним единственным ресурсом – сайтом *tr*, «ключик к Турции», собирающим новости по категориям и регионам страны.

Интернет-критики из сообщества программистов писали сайту хвалебные отзывы, но Крамер не смог разобраться, в чем заключается его уникальность.

Ольга заехала за ним около десяти часов, и они вместе направились в офис компании, судя по фотографиям занимавший четвертый и пятый этажи нового здания в историческом центре Алании. На первом этаже ютился главный городской офис турецкого мобильного оператора «Turkcell».

«Неплохое соседство», – подумал Крамер то ли о «Turkcell», то ли об Ольге, сидящей рядом. Сегодня на ней был светлый брючный костюм и сумка модного бренда. Сейчас она выглядела гораздо официальной и презентабельней, нежели прошлым вечером.

Они долго ехали по улице с причудливым названием «25 метров» и, наконец, запарковались на стоянке госпиталя *Başkent Hastanesi*, неподалеку от офисного здания.

В жизни оно выглядело даже лучше, чем на фото: сталь и стекло с зеркальным покрытием, в котором отражалось небо и мчащиеся по дороге автомобили. В сравнении с другими, покрытыми желтой штукатуркой, домами оно смотрелось по-современному строго и вызывающе. Самое то для провинциального турецкого городишки.

Они вошли в холл.

Слева располагалось небольшое кафе в европейском стиле. Табло предлагало капучино, эспрессо и целый список сладких закусок. Миновав зал, Крамер и Авдеева подошли к лифту, где на информационной панели напротив третьего и четвертого этажа значилось: «AIRIX согр.»

– Здравствуйте! Чем я могу вам помочь? – на выходе из лифта их встретила приятная девушка двадцати с небольшим лет.

– Мы хотим поговорить с Максимом Фроловым, – первым заговорил Крамер.

– Сожалею, но его сейчас нет, – не теряя дежурной улыбки, ответила девушка. – Вам назначено?

Крамер на мгновение растерялся, но Авдеева вовремя перехватила нить разговора.

– Мы из российского консульства, – сказала она, показывая удостоверение. – Нам сообщили, что у господина Фролова визовые проблемы и мы хотели обсудить способы их устранения.

Девушка задумалась:

– Сейчас уточню.

Она подошла к стойке рецепции и, подняв трубку телефона, с кем-то тихо заговорила.

Крамер огляделся по сторонам.

Офис был оформлен в духе минимализма. Никаких дешевых картин и вставок из красного дерева. Исключительно синие, близкие к черным тона. Позади стойки рецепции в обрамлении из серого пластика висел портрет Ататюрка, политика и великого турецкого реформатора²⁴. Далее шел коридор во внутренние помещения с множеством дверей по сторонам.

Через минуту одна из них отворилась и им навстречу шагнул мужчина в сером костюме. На вид ему было около тридцати, высокий блондин с очень спортивной фигурой; волосы зачесаны назад и примазаны гелем, на носу очки для чтения.

– Здравствуйте, я Вадим Косыгин, – представился он и поочередно поздоровался с Крамером и Авдеевой; Леонид без труда заметил золотой браслет толщиной в палец у него на руке. – Мне сообщили, у Максима какие-то проблемы с визой?

– Да... – уклончиво произнес Леонид. – Мы можем поговорить у вас в кабинете?

– Конечно.

Вадим развернулся и прошагал вглубь коридора. За одной из дверей скрывалось просторное помещение, с большим стеклянным столом. Из окна открывался панорамный вид на улицу «25 метров».

– Мы выбрали это здание не только из соображений престижа, – проследив за взглядом Крамера, сказал Вадим и жестом пригласил их садиться. – Для нас важное значение имела близость к центру города, ну и, естественно, пляжу. К слову, вон там, – он махнул рукой, – лучший пляж в регионе, Клеопатра. Обязательно посетите его, пока не улетите обратно, – во взгляде Вадима мелькнуло что-то странное. – По легенде этот пляж Марк Антоний преподнес Клеопатре в качестве свадебного подарка.

– Я знаю эту историю, – сказала Ольга. – Всего лишь очередная байка для туристов.

– Возможно. Впрочем, как и то, что у Фролова проблемы с визой. Я лично оформлял ему разрешение на работу в Турецкой Республике и уверен, что никаких визовых проблем у него нет. Что вам от него нужно?!

На несколько секунд в кабинете повисло молчание. Леонид не ожидал настолько быстрого разоблачения и, в растерянности, разглядывал стол Косыгина. К сожалению, на его поверхности не было ничего, кроме серого ноутбука «Apple» и миниатюрных колонок. На секунду его взгляд уцепился за желтый стикер, небрежно валявшийся рядом с компьютером.

²⁴ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) – турецкий реформатор и военачальник; первый президент и основатель современного турецкого государства.

Карандашом Вадим вывел на нем несколько цифр. Через точку: 178.82.19.5 – должно быть, ай-пи адрес. Для IT-компании ничего удивительного.

– Отсутствие загара выдает в вас туриста, – повернувшись к Крамеру, сказал Вадим. – Вы прилетели не раньше, чем неделю назад.

– Ну что ж, Шерлок Холмс, так и есть, – согласился тот. – Я прилетел в Турцию три дня назад. И мне нужно встретиться с господином Фроловым, чтобы моя поездка оказалась оправданной.

– Что вам от него нужно?

Крамер молчал.

– В последний раз повторяю вопрос: что вам от него нужно? Не хотите отвечать, тогда убирайтесь отсюда на все четыре стороны, – Вадим потянулся к коммутатору на столе. – Служба безопасности офиса может вам в этом помочь...

– Не надо, – Авдеева жестом попросила его остановиться. – Я и вправду работаю в консульстве. Недавно произошло убийство гражданки России, и Максим Фролов – один из последних, с кем виделась покойная незадолго до смерти.

Вадим ничего не ответил, ожидая продолжения. Вкратце, упустив все значимые детали, Ольга рассказала ему версию произошедшего, как ее будут преподносить СМИ уже через несколько дней, когда информация о гибели Анны Коноваловой просочится в Россию: жила-была девушка, все у нее было хорошо, потом ее убили, и так далее.

– Из своих источников, нам известно, что Анна регулярно встречалась с Максимом Фроловым. Вот мы и хотели задать ему пару вопросов, – заключила Авдеева.

Скрестив пальцы на руках, Вадим молчал больше минуты.

– Я помню эту историю... – спустя какое-то время заговорил он. – И тем не менее большей чуши мне еще никогда не доводилось слышать! Если Фролов как-то связан с убитой девушкой, пусть с ним разговаривает турецкая полиция. А вы... Вы по-прежнему можете идти к черту! – он резко поднялся из-за стола и указал на дверь. – Не заставляйте меня вызывать охрану.

– Вам не придется, – проговорил Крамер и тоже поднялся с кресла; в его взгляде читалась злость. – Как же можно быть таким идиотом? – спросил он Ольгу, когда они зашагали к выходу.

Она гневно на него посмотрела:

– Тише! Он же тебя услышит!

– Я на это надеюсь!

Глава 4

– Турция способствует ожирению и развитию рака легких, – заключил Крамер и отломил от пирожного еще один кусок.

Рядом с ним в пепельнице тлела недокуренная сигарета. Ольга хихикнула:

– Я тоже первое время не могла свыкнуться с обилием забегаловок для сладкоежек. Наверное, эти заведения – отражение местной ментальности.

– Все может быть. И погода слишком располагает к курению.

– Это точно.

Они сидели в кафе «Nokta Plus» напротив главного входа Başkent Hastanesi и наслаждались прохладительными напитками.

Крамер уведомил Пашу о своей неудаче и тот пообещал что-нибудь выяснить по поводу местонахождения Максима Фролова. Ожидание длилось уже несколько часов подряд.

Крамера расстроило и насторожило нежелание Вадима сотрудничать, и он расспросил Авдееву об этом человеке. Как выяснилось, Вадим Косыгин занимал должность директора по развитию компании «Айрикс», и был в ней чуть ли не вторым человеком. Именно он и некто Константин Солодовник основали компанию несколько лет назад. И только потом к ним присоединились другие партнеры, составлявшие теперь управленческий штат организации. Среди них был и Максим Фролов. Он возглавлял отдел IT-шифрования и безопасности.

– И многие иммигранты открывают в Турции собственный бизнес? – спросил Леонид.

Прежде, чем ответить Ольга задумалась.

– Не особо. По крайней мере не в формате «Айрикса». Русские, в основном, предпочитают вкладываться в уже готовые предприятия, а не создавать их с нуля.

– Долевое участие?

– Да. Партнерство с турком обеспечивает защиту от пристального внимания со стороны многих государственных институтов.

Леонид хмыкнул:

– Похоже на узаконенный шантаж.

– Таковы реалии, – Авдеева пожала плечами. – Правительству Турции нравится, когда иностранцы вкладывают деньги в экономику регионов, но все же предпочитают, чтобы кто-то из соотечественников стоял у руля.

– Интригует. И какие сферы инвестиций популярны у иностранцев в Анталии?

– Ну-у... Кто побогаче покупают отели, или строят жилые комплексы типа того, где тебе сняли квартиру. Кто победнее вкладываются в сферу услуг: экскурсии, кафе, рестораны. Вот был, например, один случай несколько лет назад. Известный журналист уволился с НТВ и переехал с семьей в Анталию, выкупив долю в местном ресторане. За считанные месяцы он превратил старую забегаловку в излюбленное место русскоязычных туристов и иммигрантов. О нем даже писали в каком-то турецком СМИ.

– Прямо *American Dream* в лаваше из кебабной. А что потом?²⁵

– Не знаю. Надеюсь, у него все хорошо.²⁶

Крамер затушил сигарету и, задумавшись, сделал еще пару глотков ледяного чая. Пирожное кончилось, оставив во рту приторное ощущение сладости.

²⁵ Американская мечта (англ.) – в широком понимании: вера в то, что любой человек, независимо от социального положения, этнической принадлежности и иных критериев, может усердно трудиться и достичь всего, чего пожелает.

²⁶ Александр Анучкин (род. 1976) – российский журналист, телеведущий, писатель. В конце 2000 г. улетел в Анталию, где открыл русский ресторан «Бизон». О работе в турецком общепите писал на сайте журнала «Forbes». Летом 2010 вернулся в Россию и возобновил работу в СМИ.

– Значит, «Айрикс» смогли выйти на рынок самостоятельно, – Леонид улыбнулся. – Без поддержки местного населения, так сказать.

– Компания официально зарегистрирована в Турецкой республике. Они платят налоги и, как я даже слышала, жертвуют что-то на благотворительность. В числе руководителей, конечно, есть граждане Турции...

– О-па!

– ...Но это русские иммигранты, которые уже получили гражданство.

– Интересно, – Крамер сделал еще один глоток чая и поморщился; теперь во рту стало холодно. – И что я должен сделать, чтобы получить паспорт с полумесяцем?

Ольга улыбнулась:

– Самое простое? Купить недвижимость и прожить тут как минимум пять лет.

– О, с недвижимостью проблем не будет! – Леонид засмеялся. – За последние пару дней мне уже несколько раз предлагали обзавестись квартирой с видом на море.

Следующие минуты они провели в молчании. Крамер разглядывал улицу, где опять стало невыносимо жарко. Казалось, асфальт на дороге вот-вот расплавится. Однако людей вокруг ничуть не уменьшилось. Туристы вальяжно разгуливали в тени придорожных пальм; бабушка, явно из числа местных жителей, бодро шагала, прикрываясь от солнца разноцветным зонтом.

Ольга сняла пиджак и повесила его на спинку своего кресла.

– Ловко ты придумала насчет визы, – наконец, заговорил Крамер.

– Спасибо. На самом деле, мне и придумывать не пришлось. В консульство постоянно обращаются люди, которые не выехали из страны по истечению шестидесяти «туристических» дней.

– Как так?

– Многие забывают. Кто-то думает, что граждане России имеют право находиться в Турции девяносто дней.

– И чем им грозит такая забывчивость?

– Штраф на границе.

– А если у человека нет денег?

– Тогда ему запретят въезд в Турцию на какое-то время. От трех месяцев до пяти лет.

Крамер присвистнул:

– Не слабо.

Ольга согласно качала головой:

– Да.

– Ты думаешь в «Айрикс» как-то причастны к гибели Анны? – Леонид неожиданно вернулся к теме расследования.

– Не знаю. Я всего лишь пытаюсь проделать тот же путь, что и она. И мне достоверно известно, что Коновалова регулярно общалась с Максимом Фроловым.

– Скорее всего, их встречи никак не связаны с ее смертью.

– Лучше спросить об этом его. И посмотреть на реакцию.

Крамер закурил еще одну сигарету.

В кафе зашел молодой турок и сел за столик в метре от них. Леонид несколько секунд пристально разглядывал его прическу – *просто не мог оторвать взгляд*: виски и затылок парня были сбриты «под ноль», а сверху головы у него росли длинные волосы, наподобие украинской чуприны, уложенные с помощью большого количества геля. Словно он только что спустился с подиума, где проходил показ шизанутого французского модельера. Турок обернулся и поискал глазами официанта. Теперь Крамер обратил внимание на брови – выщипанные и уложенные в одном направлении; волос к волосу. Наконец, официант заметил его и подошел к столику. Затянутый в узкие джинсы и еще более узкую рубашку, парень сидел, выпрямив спину. Удивительно, как ему вообще удавалось передвигаться.

– Это нормально, – проследив за его взглядом, сказала Авдеева.

Крамер изобразил недоверчивую гримасу, но не стал возражать. Вместо этого он снова перевел разговор на Коновалову.

– Интересно, почему она выбрала Турцию? Почему Махмутлар?

– А чем плох Махмутлар? – вопросом на вопрос ответила Ольга.

– Ну, девушки ее уровня (с хорошим образованием, красотой и финансами) вряд ли мечтают о жизни в небольшом городке в туристическом центре Турции. Майами, Париж, черт даже Стамбул я бы принял безо всяких возражений. Но Махмутлар...

– Это же не Могачишо²⁷, Леонид. Город, как город. И он имеет определенную привлекательность.

– Какую, например?

Авдеева промолчала.

Несмотря на непринужденность их диалога, Крамер чувствовал напряженность. Она явно что-то не договаривала. Впрочем, он и не ожидал от нее ничего другого: все-таки они познакомились только вчера и он не доверял ей ровно в той степени, в какой и она не доверяла ему.

– Знаешь, есть одна вещь, – Леонид сказал это почти шепотом. – Я обратил на нее внимание почти сразу, как прилетел. Возможно, ты сможешь помочь мне с ней разобраться.

Ольга наклонилась к нему, ожидая услышать что-то действительно интригующее:

– Я слушаю.

Крамер выдержал паузу.

– Бочки.

– Что прости? – Ольга машинально отпрянула назад.

– Бочки на крышах. Зачем они? Я всю голову сломал...

– Дурак! – Авдеева схватила со стола пачку «Кэмел» и закурила. – Я думала ты говорил насчет *дела*

Спустя какое-то время телефон на столике завибрировал. Паша... Крамер снял трубку.

– Я молодец! Я раздобыл адрес! Пробыли в регистрационной палате! Встречаемся на трассе через пятнадцать минут! Сможешь добраться?

– Диктуй адрес. Я посмотрю в навигаторе, – Леонид подмигнул Ольге.

Черемисов назвал улицу и тут же отсоединился. Крамер и Авдеева переглянулись и, расплатившись, поспешили к машине.

* * *

Населенный пункт Кестель занимал площадь в несколько квадратных километров между Махмутларом и Тосмуром. Однако, в сравнении с ними, он больше напоминал деревню, чем развитый городок. Посреди банановых плантаций и сельскохозяйственных теплиц на значительном расстоянии друг от друга стояли пятиэтажные жилые комплексы, из двух-трех домов каждый. Кое-где поля были расчищены от растений, а из земли, словно распахнутые пасти техногенных чудовищ, вырывались незаконченные фундаменты грядущих строений.

Они встретились у съезда на главную, – *и, возможно, единственную*, – улицу Кестеля.

– А ты, я вижу, уже освоился, – увидев девушку, заметил Паша.

– Это Ольга Авдеева. Представитель генерального консульства. Она мне помогает, – ответил Крамер.

– Не сомневаюсь.

²⁷ Столица Сомали.

Посоветовавшись, они решили не ехать к Фролову целой автоколонной и пересели в машину Черемисова. Паша не возражал. Он выглядел возбужденным и радовался происходящему, как ребенок.

– Я сразу понял, что надо искать в регистрационной палате! – без усталости хвалился он.

Крамер посмотрел на череду домов в отдалении.

– Какое из них?

Паша показал пальцем.

Это было новенькая сине-зеленая пятиэтажка с небольшими закругленными балконами. Панорамные окна вызвали ассоциации с высотками мегаполисов. Впечатление не испортила даже незаконченная стройка сразу за общим забором.

Квартира Фролова находилась на втором этаже. Остановившись около нужной двери, Крамер посмотрел на товарищев:

– Надеюсь, он будет сговорчивей, чем этот... Косыгин.

Затем Леонид позвонил в дверь.

Никакого ответа.

Он позвонил опять, и снова никакого ответа.

– Может быть, его нет дома? – предположила Ольга.

– Скорее всего, – ответил Крамер, когда вдруг из-за дверей послышались отчетливые шаги.

Кто-то подошел к глазку и посмотрел на гостей.

– Здравствуйте! – неуверенно проговорил Паша, но никто ему не ответил.

Все ожидали, что вот-вот раздастся звук механизма замка, ручка двери наклонится и Фролов распахнет перед ними дверь, однако... Вместо этого они вновь услышали звук шагов – на этот раз удаляющихся – а затем сильный хлопок, словно на пол рухнуло что-то тяжелое. В тишину ожидания ворвался булькающий звук, который Крамер неоднократно слышал во время Чеченской кампании...

– Проклятье, – Леонид ударил кулаком по двери. – Немедленно открывайте! – прорычал он, хотя и понимал бесполезность подобного требования.

Авдеева прислонилась к двери, пытаясь взглянуть в невидимые щели.

– Эй, что там у вас происходит?!

Вопрос получился глупым, потому что в следующую секунду они услышали звуки ударов и окончательно поняли – в квартире Фролова творится что-то неладное.

От волнения у Крамера вспотели ладони.

– Я сбегая к капыджи! – Паша первым сообразил, что нужно делать и побежал на первый этаж, где по традиции располагалась квартира смотрителя абсолютно любого дома.

Леонид посмотрел ему вслед. Он хотел было помочь... Только чем? Но решил остаться с Ольгой на тот случай, если Фролов все-таки откроет дверь.

Время тянулось чертовски медленно. Наконец, на лестничной площадке показался Паша. Рядом с ним, звеня ключами, шел худой старый турок и недовольно ворчал:

– Понять не могу, что вам нужно... Он болеет... Я точно знаю...

На груди у него висел бейдж: «Али Коркмаз. Смотритель жилого комплекса».

– Пожалуйста, поторопитесь! – сказал Крамер как можно вежливее, хотя внутри его переполняли эмоции и предчувствие чего-то очень плохого.

* * *

Они вошли внутрь и заметили кровавый след, тянувшийся из прихожей на кухню. Паша шел впереди. Обстановка в квартире указывала на то, что «разговор» с Фроловым может принять самый неожиданный поворот.

– Твою мать! – услышал Крамер голос Черемисова.

Леонид вошел на кухню и посмотрел на Фролова.

Тот лежал на полу между столом и холодильником. Его лицо было синим от кровоподтеков, а в груди зияло несколько ножевых ран. Из-под мертвого тела вытекло много крови. Несмотря на жаркую погоду, окна и дверь балкона были распахнуты настежь и вместе с ветром на кухню накатом врывались струи жаркого летнего воздуха.

– Ужас! Да покарает Аллах того, кто это сделал! – Али закрыл рот ладонью и, растолкав всех, убежал в туалет. Судя по доносившимся оттуда звукам, его прилично стошнило.

– Мертв, – заключил Паша, лишь формально прощупав у Фролова пульс. Раны, которые он получил, были несовместимы с жизнью. – Ну, а где эта гнида?

И вправду, а где убийца? Когда они ломались в квартиру он определенно еще находился здесь, однако сейчас его нигде не было видно...

– Балкон! – сообразила Ольга. – Он спрыгнул!

Она достала из кармана мобильный и набрала номер вызова экстренной помощи.

– Мы опоздали совсем на чуть-чуть, – заключил Паша.

На мгновение Крамеру показалось, что позади него кто-то быстро юркнул из квартиры на лестничную площадку. Он обернулся. Дверь в туалет оказалась открытой.

– Вы это видели? – Леонид вопросительно уставился на товарищей.

– Али, с тобой все в порядке?! – Паша шагнул вперед, и все заметили, с каким страхом и неуверенностью он это делает. – Черт бы тебя побрал!

Черемисов схватил со стола разделочный нож и бросился в подъезд.

У открытой двери туалета он на секунду остановился и его лицо исказилось от ужаса. Ольга и Крамер кинулись в уборную. Капыджи был там. Он лежал около унитаза и содрогался в предсмертных конвульсиях. Орудие преступления, нож для профессиональной разделки мяса, валялось неподалеку.

– Мамочки... – Авдеева прикрыла лицо руками.

Удар перебил капыджи горло, перерезав гортань и артерии. Сейчас он медленно и мучительно засыпал, хрипя и обливаясь собственной кровью. Крамер понимал, ему уже ничто не сможет помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.